

Луч Фомальгаута

10 лет — 10 номеров

№10 • 2012

ЖУРНАЛ КУЛЬТУРНО-ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ИНВАЛИДОВ

Луч Фомальгаута

ЖУРНАЛ КУЛЬТУРНО-ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ИНВАЛИДОВ

№ 10 2012

Тиражирование журнала осуществлено при финансовой поддержке Благотворительного фонда содействия образованию, культурному развитию и социальной поддержке населения «Планета добра». Адрес: 125212, г. Москва, Ленинградское шоссе, д. 36, к. 2, кв. 184. <http://planeta-dobra.ru>

ИЗДАТЕЛЬ

АНО «Центр социокультурной анимации "Одухотворение"»

Адрес: 115162, г. Москва, ул. Шухова, д. 17, корп. 2.

Тел.: (499) 755-61-43, (926) 447-82-92

E-mail: info@oduhotvorenje.com

Сайт: www.oduhotvorenje.com

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Ирина Позднякова:
главный редактор

Татьяна Подгорная:
корректор

Александр Ильин:
комп. вёрстка, дизайн

**Екатерина Зотова,
Леонид Тарасов,
Инна Тарасова:**
члены редколлегии

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Ирины Поздняковой – с. 10, 12, 26, 28, 36, 38, 44, 45, 75, 76, 77

Светланы Раткиной – с. 39, 41, 79, 81, 83.

Надежды Государевой – с. 46, 49, 51, 55, 57, 60, 62, 64, 67, 68

На обложке работы:

1-я с. – **Н. Государевой**

4-я с. – **О. Беднова**

АДРЕСА ДЛЯ ПИСЕМ

390026, Рязань, ул. 4-я линия, д. 1,
Территориальная организация № 3
РОО ВОИ.

E-mail: fomalhaut77@mail.ru

Сайт: www.izdat-luch.ru

Фомальгаут – звезда в созвездии Южной Рыбы. В наших широтах она видна низко над горизонтом и кажется тусклым мерцающим огоньком. А ведь на самом деле это одна из двадцати ярчайших звезд неба! Увидеть её во всём блеске нам мешают чисто внешние причины: пыль и копоть вблизи горизонта. Но если мы пойдём на юг, навстречу этой звезде, она поднимется вверх, и в южных широтах ничто не скроет от нас её истинного блеска.

Для того, чтобы изменить мнение об инвалидах, да и просто – о любом человеке, не нужно совершать далёкого путешествия вдоль земного меридиана. Мы сами готовы пойти навстречу – и делаем это. «Луч Фомальгаута» призван осветить нам дорогу.

© ЦСА «Одухотворение», 2012

Редакция журнала приносит извинения читателям за неточность: стихи, опубликованные в № 9 на с. 19, принадлежат не Евгению Кузьминых, а поэту-инвалиду из Кемеровской области Антону Гапоннику.

Выражаем глубокую благодарность за помощь в тиражировании журнала Кириллу Зенчеву (г. Москва) и за участие в распространении журнала Ольге Зайкиной (г. Москва); Владимиру Опоке (г. Рязань);

Андрею Цыпляеву (г. Новомичуринск, Рязанская обл.).

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-41382 от 28 июля 2010 г.

Здравствуйте, дорогие читатели!

Эти слова в начале номера встречают вас уже в десятый раз.

Наш журнал подошёл к настоящему юбилею. Десять лет, десять номеров. Кто-то скажет – немного. Но, думаю, многие согласятся, что главное – не количество вышедших номеров, и даже не число лет, а то, чем были наполнены и годы, и страницы.

Конечно, содержание журнала определяется прежде всего теми, кто в нём работает. Помимо общих целей, которые ставит перед собой редакция, многое зависит и от конкретных людей, их характеров, взглядов, мировоззрения...

В конце 2001 года, когда родилась идея журнала, наш маленький коллектив состоял из молодых людей. В чём-то неопытных, в чём-то наивных. Но кто знает, решились бы более взрослые люди на такое авантюрное предприятие – начинать практически с нуля, не имея ни образования, ни опыта работы в издательском деле.

Но мы и не ставили себе слишком больших целей, а хотели просто попробовать и посмотреть, что у нас получается, надеясь, что сможем сделать что-то интересное и нужное не только нам самим, но и другим людям с ограниченными физическими возможностями (а может быть, и здоровым).

Не всё удавалось сразу, но мы шли по своей дороге, развиваясь, приобретая опыт, преодолевая трудности. Постепенно журнал развивался, вёрстка и оформление становились более качественными, а главное – он находил свою читательскую аудиторию и своих авторов.

Что же представляет собой «Луч Фомальгаута» сейчас?

Во-первых, конечно же, страницы журнала всегда открыты для ярких творческих работ – стихов, прозы, картин. Мы рады, что с нами сотрудничают талантливые люди, состоявшиеся как мастера, но не меньше радуется нас возможность поддержать начинающих. В этом номере вы вновь встретитесь с творчеством авторов, которые публикуются у нас не первый раз, но будут в нём, как обычно, и новые имена.

Во-вторых, журнал стремится освещать актуальные вопросы, связанные с различными аспектами жизни инвалидов: проблемы и достижения людей с ограниченными возможностями, реабилитация, деятельность некоммерческих организаций... В каждом журнале обязательно присутствуют материалы такого рода – в рубриках «Мой путь», «Уроки жизни», «Люди и судьбы». А в этом номере появилась новая рубрика – «Глазами специалиста». О работе знаменитого на всю страну новосибирского Центра Бороздина вы узнаете из первых уст – из статьи, написанной одним из сотрудников Центра. Надеемся, что в дальнейшем в рамках этой рубрики вы познакомитесь с деятельностью врачей, педагогов, психологов...

Но ограничивать журнал рамками инва-тематики мы никогда не хотели и стараемся поместить на его страницы материалы, касающиеся общечеловеческих нравственных, философских проблем, а также – науки, искусства, интересных увлечений. Вы читали и краеведческие заметки, и повествования о судьбах людей, посвятивших себя любимому делу, и рассказы наших авторов о своем хобби. Вот и сейчас вы прочтёте историю одной поездки, в которой соединилось и увлечение туризмом, и прикосновение к прошлому родного края, и – знакомство с работой ученых-экологов... А сказки и прозаические миниатюры, опубликованные в номере, как мы надеемся, послужат поводом задуматься о нравственных ценностях, уважении и любви друг к другу...

На нашей обложке всё это время – подзаголовок: журнал культурно-творческой интеллигенции инвалидов. Мы ставим себе довольно высокую планку, не желая превращаться ни в сухоинформационное издание, ни в простой сборник литературных произведений, ни в развлекательное чтение. Надеемся, что у нас это получается. И, как прежде, мы приглашаем вас, дорогие читатели, к открытому диалогу с журналом. Нам очень важно знать ваше мнение о нём, ваши пожелания и ожидания. И мы, в свою очередь, хотим сделать всё возможное, чтобы «Луч Фомальгаута» вновь приходил в ваш дом и приносил с собой радость встречи, удовольствие познания и роскошь человеческого общения.

Давайте идти дальше навстречу нашей звезде!

Ирина Позднякова,
главный редактор журнала

Мы рады представить вам нового автора. Марина Жужкова живёт в Твери. Инвалид с детства (ДЦП). Окончила филологический факультет Тверского университета. Пишет стихи, сказки, публицистику. Сотрудничает с тверской ежемесячной газетой «Так живём», посвящённой социальным проблемам. Творчество Марины привлекает своим оптимизмом, жизнелюбием и наблюдательностью, вниманием к этическим проблемам. И статьи, и сказки, которые вы прочтёте в этом номере, не только заставляют читателя задуматься, но и призывают его действовать, самому изменяя свою жизнь.

10 лет —

Марина Жужкова

впервые с нами

10 номеров

Что это, если НЕ ДИСКРИМИНАЦИЯ?

«Дискриминация – умаление прав какой-либо группы граждан по признаку национальности, расы, пола, вероисповедания и т.п.»

(Словарь иностранных слов)

Не думайте, что дискриминация существует только в книге «Хижина дяди Тома» или в романах Майн Рида и Фенимора Купера. В наше время она прекрасно уживается с высокими компьютерными технологиями и с полётами в космос. И вы даже представить себе не можете, на каких уровнях и в какой изощрённой форме процветает дискриминация в нашем родном городе – Твери!.. Когда я столкнулась с ней, моему удивлению и возмущению не было предела. А всё произошло следующим образом...

Моя хорошая приятельница Ирина К., молодая женщина, человек образованный и всесторонне развитый, засиделась как-то у меня в гостях. Спихватились, когда время было позднее, и я посоветовала гостье сесть на «маршрутку», благо

её можно остановить прямо около моего дома. Приятельница ушла, но вернулась через полчаса, расстроенная до невозможности. Ни одна «маршрутка» не остановилась!..

Вы скажете – абсурд! Отнюдь нет. Просто я не уточнила одну деталь... Моя приятельница – инвалид и ходит на канадских костылях – костыли до локтевого сустава. Естественно, забираясь в маршрутное такси, она тратит на посадку больше времени, чем здоровый человек. Поэтому водители «маршруток» избегают сажать подобных инвалидов. А если и сажают, то всю дорогу ругаются, едва не матерясь. Вы не верите?..

Я сначала тоже в такую бесчеловечность и наглость не поверила, высказала мысль, что, возможно, такси были переполнены, и послала с Ириной К. на всякий случай другую свою здоровую приятельницу ловить «маршрутку». А сама начала наблюдать за этим процессом из окна квартиры. И что же вы думали?! Первая же «Газель» стала притормаживать к обочине тротуара на знак поднятой руки здоровой женщины, но как только водитель увидел приближающегося инвалида на костылях, сразу газанул и быстро отъехал. Это было как плевок в лицо. В душу!.. Больше испытывать нервы уставшей женщины мы не стали – вызвали обыкновенное такси по телефону. И доехала моя приятельница до дома не за десять, а за 150 рублей – это при её-то убогой пенсии...

Кое-кто может спросить: а почему бы инвалиду не сесть в трамвай или троллейбус? И дёшево, и надёжно... А я могу тоже задать вопрос: почему моя приятельница не имеет права с комфортом доехать до самого дома? Платит-то она за это как все. И почему она должна садиться на другой транспорт? Тогда ей пришлось бы в центре делать пересадку, а потом от своей трамвайной остановки тащиться по тёмным и скользким закоулкам. И это всё на костылях... Лишь потому, что она инвалид? Где это написано, что инвалид не имеет права ездить на маршрутном такси? В каком своде законов? Или в российской Конституции?! Нигде!.. Это отпечаталось только в задубелых мозгах тех, кто считает человека с белой кожей лучше человека с чёрной, мусульманство – правовернее православия и что курица не птица, а женщина не... И так далее. В этих же самых засушенных безразличием и самодовольством мозгах и существует постулат, что инвалид – недочеловек, урод и на нормальную человеческую жизнь права не имеет. Убогонькие должны сидеть дома и не высовываться – вот она, натуральная дискриминация! В чистом виде, и далеко ходить не надо.

Только все мы, как говорится, под Богом ходим. И всякое случиться может (не дай Бог, конечно!) и с теми, с засушенными мозгами; и с теми шоферами, которые гонятся за выручкой и экономят время за счёт посадки; и с теми пассажирами, что недовольно бубнят, когда такси задерживается на остановке... Вот так, в одночасье, в одно мгновение могут оказаться в шкуре инвалида. И точно так же, как моя приятельница, будут стоять у обочины с поднятой рукой, а мимо станут проноситься полупустые маршрутные такси.

ДАВАЙТЕ ГОВОРИТЬ ДРУГ ДРУГУ КОМПЛИМЕНТЫ. И СЕБЕ ТОЖЕ!

Не так давно позвонила мне подруга в растрёпанных чувствах. Была она в гостях у своих товарок, и те вдруг набросились на неё с критикой: что-де не делает она причёску, а прихватывает волосы пресловутым обручем. А подруга моя – инвалид, ходит на костылях, и волосы, прижатые обручем, не лезут в лицо при ходьбе. Всё просто и рационально. Я, как могла, успокоила её, а сама подумала: как всё-таки закомплексованы инвалиды, что совершенно не могут противостоять необоснованному чужому мнению.

Ни для кого не будет открытием, что у человека с физическим недостатком сильно занижена самооценка. Даже у тех инвалидов, чья жизнь сложилась, казалось бы, более-менее удачно. Любое, пусть самое незначительное, замечание со стороны может надолго испортить настроение, вызвать стресс и даже привести к депрессии. Да что там замечание со стороны! Удивительно, но наибольшей силой обладают слова, которые говорят инвалиду родители и близкие люди. Особенно это деформирует психику в детстве. Если ребёнку постоянно твердят, что он хуже всех, то именно это отложится в его подсознании и станет серьёзным препятствием в жизни.

Не надо верить мифу, что все инвалиды либо блаженно добрые, либо сильно озлобленные существа. Мы разные, как и все люди. Хотя, естественно, болезнь накладывает свой отпечаток. И то, что здоровый человек делает легко, почти на автомате, многим инвалидам совсем не по силам. Многих это огорчает или раздражает. А где неудовлетворённое раздражение, там близка и злость. Но это такая коварная эмоция, она постоянно требует выхода. Выплеск злости может быть на себя, на свою беспомощность, а может – и на окружающих. Это плохо. Но ещё ужаснее, если под «раздачу» попадает такой же беспомощный инвалид. И становится просто невыносимо! Мало того, что инвалиды с самого раннего возраста накапливают в сознании немало негативных впечатлений и переживаний, которые мешают чувствовать себя счастливым, так ещё и «свои» усугубляют это. Ведь даже простое рассматривание своего отражения в зеркало может стать невыносимым и ввергнуть человека с физическим недостатком в глубокое расстройство. И уж куда болезненнее станет нетактичная критика от себе подобного. Но смягчить или предотвратить подобный «удар» можно и нужно!

Каждый из нас, сам того не замечая, постоянно ведёт диалог с самим собой – не вслух, а про себя. И чаще всего фразы, обращённые к самому себе,

носят не позитивный, а негативный характер. Психологи предлагают бороться с этим явлением методом сочувственного диалога. Допустим, подходите вы к злополучному зеркалу и вместо произнесённой про себя фразы: «Ой, какая я толстая» – говорите: «Надо мне своё любимое платье надеть, оно меня очень стройнит». Чувствуете разницу? Или возможна другая ситуация. Вы пролили на скатерть чай или кофе. Не ругайте себя «безрукой», что произошло, то произошло, а от грубых слов станет только хуже. Скажите лучше: «Ну, до чего же шустрый этот кофе, так и выпрыгивает из чашки». Настроение сразу улучшится. Возможно, вы даже улыбнётесь. А если ещё и засмеётесь, то это будет совсем замечательно. Зигмунд Фрейд называл юмор уникальным проявлением человеческой психики, а смех – не менее уникальным средством лечения. Ученые выяснили: под действием смеха в мозгу выделяется вещество, похожее на морфий. Он становится своего рода внутренней «анестезией», помогает организму расслабиться и одновременно мобилизовать силы для борьбы с неприятностью. И не только с неприятностью, но даже с недугом!

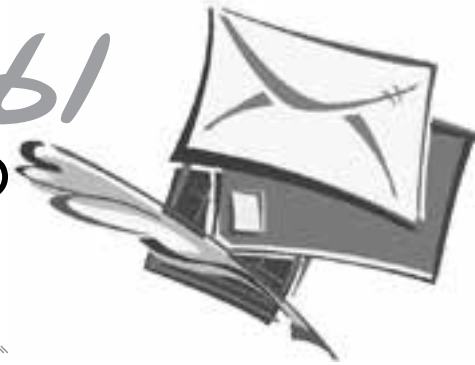
Об этом всегда надо помнить не только родным и близким инвалида, но и тем инвалидам, кто окружает его, дружит с ним. Уж куда легче улыбнуться друг другу, чем сказать какую-то колкость, а в ответ получить выплеск отрицательной энергии и потом ещё несколько дней душевно болеть, перебирая в голове обидные слова.

Позитивный настрой продуктивен. Он даёт возможность ставить перед собой новые цели и достигать их. Именно так можно перевести негативную энергию страха и неуверенности в себе в позитивную энергию сильной личности. А настраивать себя на позитив и наполнять жизнь приятными эмоциями очень просто – надо только находить радость в самых простых вещах. Один мой знакомый, молодой человек, навсегда прикованный болезнью к инвалидной коляске, с упоительной радостью рассказывал мне, как когда-то, когда он ещё мог ходить, любил покупать на улице пирожки. Молодой человек с удовольствием вспоминал полную тётеньку в белом переднике и нарукавниках, большую кастрюлю с горячими пирожками и даже серую бумажку, в которую заворачивали купленный пирожок. И не было в этом рассказе ни капельки ностальгической горечи: только светлая радость при воспоминании о маленьком, но приятном моменте жизни. Но как же это полезно для души, для позитивного настроения – выхватывать из памяти яркие эмоциональные воспоминания! Психотерапевт Т.Абрамова пишет: «Желание жить – это не теоретическая абстракция, а физическая реальность. Никогда не стоит недооценивать волю человека и положительные эмоции в борьбе с любым недугом».

Сочувственная поддержка себе – самое большое сокровище, которым владеет каждый. И этим сокровищем надо обязательно делиться с другими. Очень важно говорить одобряющее слово всем, кто рядом с вами. Не упускайте малейшей возможности превращать будни в праздник. Придумывайте развлечения, делайте неожиданные подарки близким, не сторонитесь веселых розыгрышей, не бойтесь встреч. Попробуйте заняться чем-то новым – это расширит ваш кругозор, даст возможность раскрыть свои способности, найти новые ценности в жизни, реализовать свой творческий потенциал. А творчество может проявиться в любом виде!

И снова вспоминаются древние мудрецы, которые советовали искать удовлетворение не в результате, а в процессе и находить радости в самых простых вещах. А главное – говоря комплименты самому себе, не забывать об окружающих людях.

ОТЗЫВЫ на 9-й номер

Только что оторвалась от журнала. Спасибо! Спасибо огромное.

Прочитала за один присест, теперь буду перечитывать и просто перелистывать. Я очень люблю ваш журнал, от него какое-то хорошее-хорошее ощущение остаётся. Очень мне по душе оказался рассказ Татьяны Князевой «Учредительное собрание». Я настолько в него погрузилась, что даже увидела происходящее – сцену за сценой. Сразу стали возникать задумки, как бы я нарисовала иллюстрации к этому сюжету. И «Дикая» Натальи Усановой – очень хорошо. Только очень грустно.

Бережит, задевает – то, что между строк...

Вот ведь интересно – читаю после такого большого перерыва всего второй номер, а ощущение совершенно ясное, что журнал – как живое существо – крепнет, растёт. Развивается. Впрочем, я и сама довольно здорово изменилась за этот год.

Ой, как же я желаю вам удачи. Чтобы у вас всё получалось и дальше, и журналы выходили чаще. И даже, может быть, толще. А может, и не надо толще. Очень уютный и приятный формат сейчас у журнала.

Дина Волгина, г. Санкт-Петербург

Я – Дегтярёва Лилия Николаевна, 58 лет, инвалид с детства – последствия ДЦП.

Неоднократно получала журнал «Луч Фомальгаута», последний 9-й номер получила в апреле. Журнал мне очень нравится: и поэзия, и проза, несомненно, талантливые авторы со светлыми думами. Я очень благодарна вам за журнал, хотела бы получать его впредь.

Немного расскажу о себе. От рождения имею, в общем-то, нетяжёлую форму ДЦП. Росла, как все дети: закончила школу, поступила в технический вуз, потому что точные науки меня привлекают больше. Поехала по распределению на завод в старинный город Муром, отработала около пяти лет, потом вернулась в Новомосковск и до начала девяностых работала в НИИ проектировщиком. Много путешествовала. Болезнь меня не «зажимала», я как будто жила с ней параллельно.

Но с начала девяностых стало заметным прогрессирующее, и за последние двадцать лет мой образ жизни круто изменился. Поняла, что единственное моё спасение – борьба, то есть до максимума активный образ жизни. Стала пользоваться наработками В. Дикуля.

Была бы очень рада узнать о «соратниках» по этой борьбе примерно моего возраста. Наверняка они есть.

Л.Н. Десятёва,

*301650, Тульская обл., г. Новомосковск,
ул. Берёзовая, д. 32/5, кв. 21.*

Здравствуй!

Мне понравилось, что номер получился содержательным и, несмотря на поднятые в нём проблемы, – очень добрым.

Первый материал (сочинения школьников по стихотворению «Как это важно – быть самим собой») мне близок по теме. Интересно, что все ученики высказывают разные взгляды.

Стихи Олеси Радущко очень чувственные, тёплые и искренние.

Хороша статья Саши Ильина: он пишет, что внутренние проблемы человека, кроме него самого, никто решать не будет. Автор считает, что «необходимо менять своё собственное восприятие реальности, учиться относиться к жизни светло и легко, видеть во всём что-то положительное». Это сложно (например, преодолевать депрессию), но надо стараться.

Ольга Ворсина. У неё стихи очень грустные.

В статьях про Интернет поднимается актуальная тема, которая рассматривается с разных сторон.

Мне близка статья Николая Дьяченко «Как я помог другу»: такой опыт был и в моей жизни. Я благодарен судьбе за мгновения, проведённые с другом, которому пытался помочь, и, что самое главное, – у меня это получалось. Жаль, что его давно нет в живых.

Очень трогательные стихи в подборке Александра Суворова, передающие его отношение к маме.

«Далёкий близкий человек» Тамары Муруновой. Она много дала своему другу, но вместо благодарности получила только боль.

Вся «Мозаика» понравилась мне своей оригинальностью: разные авторы совершенно по-разному раскрывают одну и ту же тему.

Хорош рассказ «Учредительное собрание» Татьяны Князевой: в нём ярко показаны характеры героев.

Александр Фонарёв, г. Москва

Вот я и присоединилась к читателям «Луча Фомальгаута», получив его девятый номер. Порадовал внешний вид журнала, повеяло от него неуловимым достоинством, которое было свойственно периодическим изданиям в пору их расцвета и сейчас иногда появляется.

Но это к слову. Главное, конечно, не в обложке, главное – внутри. Бывая на сайте, я, тем не менее, слегка побаивалась шаблонности, некоторой

замкнутости, стандартного круга тем, но ошиблась. Тексты, а значит, и авторы (да, именно так, в обратном порядке, что простительно, поскольку, во-первых, я почти ни с кем не знакома, а, во-вторых, не в этом ли счастливая задача любого печатного издания – представлять за текстом человека?) получились разными, но очень осязаемыми и живыми.

О стихах говорить сложно. Если не остановиться, вместо отзыва получится пусть не книга, но очерк. Скажу только, что ни одна строка не оставила меня равнодушной. Ироничная и лиричная одновременно Ирина Позднякова, зоркая Олеся Радущко, которая так умеет видеть природу в таком ограниченном, в силу жизненных обстоятельств, пространстве. Авторы её альманаха, созвучные ей и неповторимые одновременно. Созерцательные, прозрачные или шуточные стихи Татьяны Подгорной. Пронзительные строки Александра Суворова. Поэт всегда открыт читателю, но рассказать о самом сокровенном способен совсем не каждый, даже если речь – о докторе психологических наук. Музыкальные строки Ольги Ворсиной поражают своей, в лучшем смысле слова, несовременностью, привносят какую-то особую, уютную атмосферу. Заставила улыбнуться и история про старого знакомого тролля, созданного Валентином Рузановым и обретшего на страницах законченный вид. Теперь я уверена: «рукописи не горят», они живут в Интернете, иногда подшучивая над автором.

Проза удивительно правдива, в чём-то философична, а где-то сродни притче, как история, рассказанная Натальей Усановой. Рассказ Татьяны Князевой читается, что называется, на одном дыхании, в нём нет ни лишних слов, ни лишних сюжетных линий и героев. Всё очень естественно, а естественность и простота даются сложнее всего. О фантастике скажу отдельно. Я отношусь к тем, кто не любит фантастику ради фантастики, меня не привлекают восьмиглавые мутанты на серебристых космических кораблях яйцеобразной формы. У Александра Романова за фантастическим обрамлением проступает нечто более глубокое, что делает «экзотику» значимой, интересной.

Психологическая помощь бывает разной, но не лучше ли, когда помогает сама жизнь? Думаю, так и происходит с читателями рубрик «Точка зрения» «Люди и судьбы», «Уроки жизни», в которых своим мировосприятием делятся Александр Ильин, Екатерина Зотова, Николай Дьяченко, Татьяна Подгорная, Тамара Мурунова.

Статьям про Интернет заядлый юзер мог бы отдать респект. Они такие же разные и единые, как и то, чему посвящены. Александра Вознесенская называет его не более чем средством общения, но разве не общение в значительной мере определяет человека?

Лишь иногда задевала меня горечь на перелистываемых страницах. Жизнь не бывает простой, она мозаична, как в стихотворении Евгения Гаврицкова. Когда открываешь мир другому человеку, он должен быть мудрым и светлым. Если стремишься сломать стереотип, нужно придумать светлые концы. А впрочем, БЧЗ-7234 продолжает дышать и жить...

Я искренне благодарна всем, кто принял участие в создании журнала. У него хороший потенциал. Буду ждать следующих номеров.

Валентина Рузавина, г. Екатеринбург

Все косточки
Действительности бренной
Перемывая через не могу.
Но это будет в дальнем
далеке –
С глубокой философией
шага,
С дождём, не просто
вытавшею влагой,
А каплей мирозданья
на щеке.
Но поздно или рано –
всё равно –
От слова и от музыки
хороших
Вдруг почву милосердную
взъерошит
Душа моя – проросшее зерно.
У истины немного погостим,
И сразу образуется –
Бог видит!
Чтоб нас никто
не выдумал обидеть,
Заранее обидчика простим.

Наверное, каждый человек в определённые моменты жизни задумывается о смысле своего существования. Мне, с юности пишущей стихи, очень близки эти строки Филимоновой:

* * *

Сирень-подросток
зябнет на ветру.
От хмурых капель
ёкает сердечко.
Зарѣй туманной
щёки понатру
И затоплю пожарче
в доме печку.
Сложу в букет
кленовый разговор
И алый шёпот
горечной калины.
Я влюблена с недавних пор
В твои, ноябрь,
седеющие ливни.
К ним робко льнёт,
запутавшись, снежок.
Он поспешил,
а срок пока далече.

Возьму в ладонь.
Скажу ему: «Дружок,
Ещё ноябрь...
Ещё не вечер...»
Что ж, ветер, дуй.
И, небо, горько плачь.
Сама себя за пазухой
согрею.
Земля светла
от всех земных удач,
И я творю удачи, как умею.
Не просто дождь,
не просто снег идёт.
Прислушайтесь к
привычному звуку...
То небо горделивое поёт,
Земле целуя трепетную руку.

А вот ещё – ощущение, не покидавшее поэта в течение всей её короткой жизни:

* * *

Время, не надо: вперёд.
Ты погоди у колодца.
И у сосновых ворот,
И у закатного солнца.
Ты задержишься у снегов
И уцветущего сада,
Очень случайных слогов
И не случайного взгляда.
В срок и хула, и почет,
Чувства стихов и мелодий.
Слышу, как время течет.
Вижу, как юность уходит.

Завершить рассказ об Ольге Филимоновой – ярком, талантливом поэте – мне хочется её стихотворением, с цитаты из которого началась эта статья. Вчитайтесь в каждую его строчку, почувствуйте их глубину – и пусть эти стихи навсегда останутся с вами.

* * *

Я – душа.
Остальное – потом.
Остальное замрёт
подо льдом
И под солнцем вернётся
к началу.
Только я не исторгну
печали.

Я – душа.
Остальное – потом.
И не важно,
в которых веках
Жизнь мою
пронесут на руках.
Важно то,
что она существует.

10 лет —
Инесса Термякова
впервые с нами
 10 номеров

Увидеть в ребёнке ЛИЧНОСТЬ

(Центр А.И. Бороздина как духовное движение)

Встреча со Школой

Первый раз я услышала о Школе Бороздина в 1996 году, когда мы, сотрудники Института социальной реабилитации НГТУ, организовывали одну из первых конференций по коррекционной педагогике в Новосибирске. Тогда у меня чётко отложилось, что в этой Школе занимаются музыкой с даунами. И жила я себе дальше, и развивалась как сурдопедагог, и искренне считала, что любую детскую «болячку» можно откорректировать методиками и системами. Параллельно с профессиональным становлением я накапливала материнский опыт. И почему-то у меня никогда эти вещи не соединялись. Работа с глухими детьми – это работа. Жить со своими детьми – это жизнь. И мне уже казалось, что всё я в дефектологии и жизни знаю. Кучу конференций и Центров посетила и даже почти решилась на кандидатскую диссертацию. Но повторная, абсолютно случайная встреча в маршрутке с Алексеем Ивановичем Бороздиным изменила ход моей профессиональной, а больше – жизненной позиции. А.И. Бороздин пригласил меня к себе в Центр.

Напугать меня чем-либо довольно сложно – так я думала. Ведь я была подкована прочными дефектологическими знаниями и десятилетним профессиональным опытом, у меня уже было трое своих детей. И потом мне нечего было терять, я оставалась на основной работе, а Центр Бороздина воспринимала как подработку рядом с домом.

К работе в Центре можно приступить, лишь предварительно посетив занятия или просмотрев видеозаписи уроков с детьми. Почему-то эти пункты выпали из пролога моей истории, и 1 сентября 2005 года я вошла в кабинет на занятия с детьми, имеющими сложные диагнозы. График работы мне показался чудесным: три урока по 30 минут, час перерыв, ещё три урока и всё!!! И так два раза в неделю!!!

Первое занятие под загадочным названием «Общее развитие» было с ребёнком, у которого стоял диагноз «синдром Дауна», второе занятие – с аутистом, третье – не помню. Помню только, как Надежда Степановна Трухачёва, директор Центра, заглядывала иногда в кабинет и подсказывала, кто из детей что любит делать.

Как прошёл перерыв и ещё 1,5 часа – не расскажу. Невозможно описать, как страх, беспомощность, бессилие захватили меня не где-то в тайге, а в дошкольном Центре.

Первые мысли: «А мне это надо?», «Почему другие педагоги улыбаются?», «Неужели этих детей можно чему-то обучить?».

Как я добралась домой и на следующий день вышла на основную работу, помнит только тело. Мозг всё время был в рефлексии.

Когда настал черёд снова выйти в Центр Бороздина, я разглядывала родителей этих детей. Я очень пристально вглядывалась в лица и движения этих людей. Ведь преподаватели пединститута мне внушали, что именно родители виноваты, что у них такие дети. Во всех статьях написано: «Курение, алкоголизм, наркомания и т.п. приводят именно к таким последствиям». Нигде не написано было, что такие дети рождаются и у самых обыкновенных людей. Я на секунду представила, что на месте этих родителей могла быть и я. Мне стало страшно, а потом стыдно. За что? Я, дипломированный специалист, боюсь принять детей. С диагнозами, но детей. Ни в одном из двух вузов, которые я окончила на «отлично», не учили ПРИНИМАТЬ детей.

Всё-таки педагогика – это СВЫШЕ.

Когда у моей дочери затяжной насморк, я не нахожу себе места. Когда у старших сыновей в детстве были логопедические проблемы, а чуть позже случались двойки, со мной были истерики. А что должны чувствовать родители, когда их детям ставят устрашающие диагнозы – раз, выводят из образовательных учреждений – два, предлагают отдать ребёнка в интернат, потому что он «необучаемый», – три?

Всем ясно, что каждый ребёнок по определению и по закону имеет право на развитие и образование. Но в то же время ни для кого не секрет, что ребёнка с тяжёлыми психофизическими отклонениями не принимают в образовательные учреждения. Или, что ещё хуже, медицинские работники предлагают сдать такого ребёнка в интернат. Можно подумать, в интернате работают роботы, а не женщины-матери. Разница лишь в том, что в семье ребёнку есть за кем тянуться и развиваться, в интернате – не всегда. Дома меняются картинки и звуки, в интернате – стационар. Дома есть родные, в интернате – соседи и обслуга. Казалось бы, в государственном масштабе проще обеспечить развитие и образование ребёнка в семье, по месту жительства, но практика такова, что количество интернатов и детских домов не уменьшается.

Истории, которые рассказывал мне Алексей Иванович и его коллеги про детей, прошедших курс абилитации в Центре, казались сказками. Кто-то из детей научился говорить, кто-то – читать и считать, а многие даже поступили в различные школы.

Я осталась работать в Центре из-за желания прикоснуться к волшебству, проверить свои способности, но больше – из-за надежды, которая появлялась в глазах родителей. Каждый раз, отдавая им ребёнка после занятий, в их глазах я читала: «Ну как? Есть успехи?». Совесть и ответственность не давали мне сбежать, не оглядываясь... Или надо было рвать дипломы, или их как-то реализовывать. И начались занятия. Вот короткие истории про первых моих учеников.

Маша — красавица наша

Красивее и правильнее черт лица у девочки я не встречала. Большие голубые глаза. Густые волосы, неизменно заплетённые в две косы. Фигура, рост – всё соответствует восьмилетнему ребёнку. Но – совсем не говорит. Звуки – лишь иногда, похожие на призыв индейцев к бою. Стучит по книжке. Смотрит в окно. Или, того лучше, ходит из кабинета в кабинет. А уж если совсем что-то не к её душе, ноги вверх и плакать. Горько. Руки, ноги скованны – поди подступись. Хочется сесть рядом, а ещё лучше – лечь и тоже плакать. Нельзя. Не поймут. И никакие профессиональные навыки и методики в голову не лезут и не окрыляют. От умных книжек остаются лишь Машины слёзы и моё желание вывести её из этого состояния и заниматься дальше.

В самом начале занятий с Манькой мы два месяца искали контакт. Трудно. Но, мне кажется, нашли. Когда она плачет, я знаю – это она мне плачет. Она мне сказать что-то хочет. И я сажусь рядом с ней и начинаю вести диалог. Фраза за себя, фраза за неё. Поглаживаю ей руки и ноги. Встану, сама себе потанцую. Вытру ей слёзки. Сажусь за стол работать, читаю вслух книжки и играю сама с собой в мягкие игрушки.

И если посмотреть отстранённо на всё это – это не занятие, а нахождение в комнате двух совершенно чужих людей. А внутри у нас с Маней диалог. Эмоциональный. Энергетический. Мы друг друга любим и понимаем.

К концу занятия Маруся встаёт как ни в чём не бывало и выполняет все мои просьбы. Мы уже вместе танцуем и смеёмся. И она повторяет все действия, что я выполняла, пока она плакала.

Маша: на пути к социализации

Если Маша на занятии у меня или у другого педагога плакала, у меня обязательно находится повод вечером дома поплакать. Я её слёзы «собрала» и выплакала. И куда девался профессиональный иммунитет?

Она всегда прямоком направляется в мой кабинет. Маша, которая раньше ходила из кабинета в кабинет за руку с мамой, сегодня может заниматься в паре всё занятие и не рваться наружу, участвовать в утренниках и водить с другими детьми хоровод.

Я не хотела прощаться с Машей на всё лето и оставила её на индивидуальные занятия в июле. Но Машу словно кто-то подменил. Она заходила в Центр и начинала плакать. Я 30 минут ничего не могла сделать. Так продолжалось три раза. Я вышла в коридор к маме и, пока Маня одевалась, не глядя на меня, говорю: «Татьяна (так зовут маму Маши), я не вижу смысла в занятиях летом. Мне кажется, Маша видит, что других детей и педагогов нет, и не понимает, зачем ей надо летом заниматься. Отдыхайте».

В этот момент Маша, уже одевшись, подошла ко мне. Обняла и прижалась к груди. Посмотрела уже высохшими от слёз глазами мне в глаза и убежала. Она не говорит ни слова. Я говорю. Но мы так чувствуем друг друга. Так сложно и так просто.

Сейчас Маша учится в коррекционной школе. Раньше об этом не приходилось и мечтать. А мы радуемся этому. У Маши ранний детский аутизм – первая, самая тяжёлая группа. Семья переехала из Липецка в Академгородок, чтобы заниматься в Центре А.И. Бороздина.

Любимчик Пашка

Принято думать, что в образовательном процессе не должно быть любимчиков. Ответьте себе честно, педагоги, воспитатели и администраторы, – у вас есть любимчики? Если вы ответили: «Нет», – не обижайтесь, но вы не откровенны. Можно относиться ко всем детям профессионально одинаково, но при виде некоторых учеников трепет – как перед первыми свиданиями. Так вот, Пашка – мой любимчик.

Белобрысый. Пушистый. Гуттаперчевый даунёнок. На прямых, циркульных ножках марширует (или, как я говорю, «чиполлинит») в кабинет. Прямоком к столу, к нашим любимым «бархатным буквам».

Первые занятия, полгода назад, я его усаживала на колени перед зеркалом. Его пальчиками водила по буквам, чётко артикулируя и повторяя на каждое ушко отдельно. Привлекала внимание к нашему отражению в зеркале, своими руками «формировала» ему артикуляцию и мимику. Затем сажала на стол лицом к себе, и начинались азы логопедической работы: массаж рук, пальчиков, лица, языка (с его платочком) и т.п. Потом снова к себе на колени: работа над координацией и формированием двигательных стереотипов (вверх, вниз, в стороны).

За два месяца Паша усвоил всю нашу структуру занятия, но ни одного звука – тишина. И это несмотря на то, что я постоянно побуждала его к речи.

Потом у Пашки был кризис. Он заходил в Центр со слезами. На каждое занятие его «вносили» на руках. Завлекали. Продолжали занятия как ни в чём не бывало. Кризис как начался внезапно, так и закончился. Мой ученик окреп духом, стал лучше ходить, увлёкся упражнениями на развитие мелкой моторики, научился (более-менее) держать закрытым рот и по-прежнему улыбался, входя в кабинет. Но молчал. Ни одного артикуляционного звука, только рычание и урчание.

Через четыре месяца (невыносимый холод на улице, в помещении детей мало, но Паша – педант, ни одного пропуска занятий) ко мне заходит педагог-коллега по-

Паша: занятия с удовольствием

смотреть занятие. И я отвлеклась на педагога. Как говорится, «сцепились языками». Паша кропотливо берёт каждую «бархатную букву» своими руками, поворачивает её правильно и укладывает. Я наблюдаю в зеркало, а Паша губами повторяет артикуляцию каждой гласной буквы, но беззвучно. Все буквы были сложены правильно (как бы я их ни пыталась крутить и переворачивать). Педагог похвалила нас за такие достижения и вышла из кабинета, не закрыв за собой дверь.

Я говорю Паше: «Ты уже все буквы знаешь, ну, начинай говорить их», – и начинаю снова с гласных букв.

«А» – молчание.

«У» – молчание.

«О» – Пашка своими руками «складывает» свои губки и пронзительно басит: «ОООО». Я думала, что у меня галлюцинации, берём следующую букву.

«Э» – снова молчание. Я его легко постучала по спинке, и снова: «Э»...

Раскатистое Пашкино «ЭЭЭЭ» я не забуду никогда. Я радовалась так, что начала стучать в стенку, звать другого педагога. Выхожу в коридор, а Пашина мама со слезами на глазах сидит и не шевелится, она всё слышала, ведь дверь в мой кабинет была открыта.

А Паша, не останавливаясь, любясь своим отражением в зеркале и нашей реакцией, продолжал «о-кать» и «э-кать».

Потом у нас с Пашей были разные периоды молчания и «гласности», но радость причастности к научению маленького человечка говорить и думать придаёт много эмоциональных сил и помогает поверить в значимость своей профессии – педагога.

Федя – развитие неслухового внимания

Говорят, что какие-то ситуации нам даны за что-то, а какие-то – для чего-то.

Федю мама занесла на своей ноге, он не хотел заходить в центр, и всё, что мог сделать, – это зацепиться за мамину ногу. Федя не слышал. После перенесённых четырёх менингитов, клинической смерти и ещё чего-то. В подгузнике, кричит, с косыми глазками, с натёртыми до крови ушами от силиконовых вкладышей.

И с какой стороны подойти к парню – непонятно. Ведь ко мне на занятия они пришли как к сурдопедагогу. Орёт, в кабинет заходить не хочет, взгляд не фиксирует. Какое там когнитивное развитие и развитие слухового внимания! Было понятно, что начинать надо, как с грудничком, – прижать, обнять, успокоить. Фокус состоял в том, что Федя к себе не подпускал. Не давал даже притронуться. Так и сидел в коридоре между кабинетом и мамой. Чуть что, начинал орать. А я начала играть с медведем. С большим игрушечным медведем. Я бинтовала ему лапы, расчёсывала... Федя наблюдал, наблюдал и ушёл. На втором занятии он чуть-чуть в коридоре помог мне полечить мишку. Ну, а третье прошло в кабинете, правда, Федя был под столом, но это мелочи. Я Феде кидала под стол игрушки и карточки и называла их. Где-то на пятой карточке он заинтересовался. И всё – пошло дело. Месяца три я ненавязчиво что-то делала НА РАССТОЯНИИ от Федеи.

Федя ко мне обращался «И-И-И».

Пока мы учились сидеть за столом, привыкали друг к другу, Федя перестал плакать. Я уже стала планировать нашу с ним работу, но Федя уехал на кохлеарную имплантацию в Москву. А ещё через месяц у нас начался новый этап жизни. Он ничего не хотел делать из того, что предлагает сурдопедагогика. А если погода была пасмурной, то и играть не хотел. Между настройками импланта мы (тройка педагогов: музыкант, художник, сурдопедагог) развивали в Феде всё, что могли и не могли. И если к индивидуальным занятиям Федя за два года привык, то на групповых стабильно прятался под стол, в шкаф или под ковёр. И уже не только педагоги, но и ученики подходили к Феде, гладили его и обнимали. Федин характер (собственно, если бы не характер, Федя бы не выкарабкался после всех его приключений) стал смягчаться. Однажды я спускалась по лестнице, за мной шёл Федя, а следом – его мама. Федя взял меня за руку. Очень простое, человеческое действие. Но мы-то с Фединой мамой знали, чего это стоит. Я шла не дыша. Федя стал мне доверять себя.

К третьему году наших занятий Федя стал рисовать простые рисунки, интонировать простую мелодию, повторять простые предложения и говорить около двадцати слов.

Федя: под партией тоже можно учиться

Федя уже обращался ко мне «ИНЕ».

Только ради этого ребёнка (и уж потом ради других) я поехала в Москву на курсы повышения квалификации по теме: «Реабилитация после кохлеарной имплантации». Благодаря Феде и его маме, которая сама поддерживает других родителей, такая операция в Новосибирске стала обычным делом. Сейчас Федя пошёл в детский сад, там он всех обнимает и целует, понимает обращённую речь и старается говорить сам. Наши уроки любви, а не развития слухового внимания, отогрели его. На нём пока ещё подгузник, и один глаз практически не видит, но он бегают, слышит, играет с другими детьми и начинает говорить...

Сейчас ко мне Федя обращается «ИНЕЦ». А я ему говорю: «Так вот, Федя, как только ты будешь ко мне обращаться “Инецца Соломоновна”, – я успокоюсь».

Опыт любви

За пять лет работы в Центре я сделала несколько выводов:

- Центр А.И. Бороздина – это концентрация любви к детям.
- Центр А.И. Бороздина – это место, где у ребёнка нет диагноза, а есть детство.
- Центр А.И. Бороздина – это духовное движение, которое меняет мировоззрение.

Постараюсь объяснить, почему.

Я и сейчас работаю в Центре А.И. Бороздина, но педагогом-совместителем, так как основной моей работой стала пропаганда опыта работы Центра.

Алексей Иванович Бороздин уже несколько лет руководит Областным методическим центром абилитационной педагогики, а я организую семинары, в том числе выездные, по абилитационной педагогике. Одно дело, когда приглашающая сторона знает о Школе Бороздина и берёт всю организацию на себя, и, оказалось, совсем другое – решать поставленную губернатором задачу: передавать опыт работы с детьми-инвалидами педагогам районов Новосибирской области тогда, когда о нашей работе ничего не знают.

Сложным в этих командировках оказались не столько организационные и бытовые моменты, сколько необходимость вдохновить специалистов на работу с детьми, имеющими отклонения в развитии и оставленными в семьях. Родители приняли решение оставить ребёнка в семье, но местные логопеды и дефектологи отказываются работать с ним. Мотивация у всех одинаковая: «А по какой методике их учить?», «Какой смысл его учить?», «Он эмоционально не готов, пусть будет на домашнем обучении» или самая бесчеловечная: «Мне за это не доплачивают!». Очень хочется узнать, кому и за что доплачивают в государственной педагогике?

Все наши семинары строятся исключительно на видеоматериалах уроков. Показывая и разъясняя эти занятия, мы демонстрируем безусловное, абсолютное принятие ребёнка. Он дерётся – мы переводим в игру, он мычит – мы переводим в песню и т.д.

Однажды разгорелась жаркая дискуссия, в которой принимали участие дефектологи, утверждавшие, что и они занимаются с очень сложными детьми, родители детей с дефектологическими диагнозами и мы, ведущие семинара. Я предложила посмотреть своё занятие с девятилетним мальчиком, который пока принимает каждую новую ситуацию так: машет руками, пытается ударить, и нецензурно выражается.

Увидев первые кадры занятия, где ребёнок пытается меня ударить, дипломированный дефектолог кричала из зала: «Он эмоционально не готов! Пусть

Семинар проводит А.И. Бороздин

дома сидит, с родителями занимается!». Медик предложила, что знала: «Транквилизаторы». Я, на правах ведущей, спросила у дефектолога: «Это вы сейчас говорите как специалист, как мать, или как человек?» У медика я лишь уточнила: «Усыпить?»...

Когда я вела урок с мальчиком, у меня, как у педагога-абилитолога, и в мыслях не было остановить занятие, вывести ребёнка к маме. Агрессивные взмахивания рук переводились в хлопки, плохие слова заменялись хорошими. И вот на десятой минуте урока мне удаётся успокоить его колыбельной.

Всё та же дефектолог из зала настырно кричит: «Я не поняла, в чём смысл занятия? Успокоить ребёнка? Какой толк в таком занятии?».

Родители, которые смотрели этот сюжет, вытирали слёзы, от радости, что с такими детьми находят общий язык, развивают их, и от бессилия, что их городские специалисты работать с их детьми не хотят.

Смотрим дальше. Хотя регламент доклада уже прилично нарушен, чувствуется, что зал напряжён: что будет дальше в этом занятии?

На этом уроке было всё: колыбельные, массажики, написание букв, зарядка, хлопки руками, объятия и моя непреклонная, мягкая настойчивость в совместном выполнении поставленных задач. К концу урока мы выполнили с ним всё, что я намечала, вдобавок он собрал с пола порванные им бумажки, сам сделал зарядку и даже попытался маршировать. Ребёнок, который в начале занятия ничем не желал заниматься, хамил, матерился, дрался, валялся на полу, выходил из кабинета улыбающимся и счастливым.

В зале тишина. Я объявляю семинарский день законченным. И тут происходит типичная для наших семинаров картина: нас окружают родители со словами благодарности, к нам подходят безмолвные дефектологи со слезами на глазах и отдают анкеты, которые мы просим заполнить. А там среди других вопросов есть такой: «Изменились ли Ваши профессиональные установки?», на что многие отвечают: «Профессиональные установки изменились благодаря Вашему семинару. Спасибо!!!».

Это дорогого стоит, когда специалисты с большим стажем работы начинают «включать» сердце, а не требовать методику.

А мы, уставшие и счастливые, возвращаемся в Центр, чтобы продолжать учить улыбаться детей, их родителей и всех, с кем могут столкнуться наши ученики.

Идти ледоколом всегда сложно. Но наша команда настолько искренне и эмоционально рассказывает о работе с детьми и показывает реальные, а не постановочные видеозаписи, что слушателей на второй день всегда больше. И, что самое важное, нашими слушателями становятся не только люди, соприкоснувшиеся с проблемой детской инвалидности, но и те, кто никогда с ней не сталкивался. С нас уже не требуют корочек, им нужны практические знания. А этого у нас много. Мы показываем динамику развития детей, у которых стояло в рекомендациях психолого-медико-педагогической комиссии «Обучение нецелесообразно».

Ещё один выездной семинар. Снова полная аудитория. Опытные дефектологи вперемежку с начинающими педагогами. Всех их обязали прийти. У всех в руках тетрадки и ручки. Все ждут научных докладов. Алексей Иванович открывает семинар, рассказывая историю создания Центра. Надежда Степановна Трухачёва рассказывает о том, как проходят занятия. И вот мы показываем видеоролики.

Из зала вопросы: «А какие диагнозы у детей?», «А по каким методикам вы работаете?», «Какие специалисты работают в Центре?»

Эти вопросы, как однойцоровые близнецы, сопровождают нас везде.

Отвечаем: «Диагнозы разные. Наши специалисты по записи в трудовой книжке – все педагоги дополнительного образования, но Педагоги с большой буквы. А если бы методики были адаптированы под каждого ребёнка, то государственные специалисты не отказывались бы от работы с такими детьми. И уж если бы в Центре отталкивались от диагноза, а не от уровня развития ребёнка, то не было бы авторского Центра А.И. Бороздина, признанного государством».

Наши педагоги знают множество диагнозов, но фокус в том, чтобы, видя ребёнка, не разглядывать диагноз, а увидеть личность. Наши педагоги владеют сотней методик, но виртуозность в том, чтобы в доли секунд предугадать, что пригодится

Бывший воспитанник Центра, ныне ученик Православной гимназии Ваня Вишневецкий дарит А.И. Бороздину икону, которую сам написал.

в ближайший миг для конкретного ребёнка. Наши педагоги не пишут поурочных планов, они делают послеурочные записи, в которых фиксируют состояние ребенка, его достижения и дают рекомендации по его развитию. Наш педагог никогда не скажет: «От этого ребёнка нечего ждать!», он улыбнётся, обнимет ребёнка и скажет: «Здравствуй! Давай знакомиться!» – и начинается интересная, временами трудная многолетняя работа. А когда наш ученик поступает в образовательное учреждение, попадает под какую-то образовательную программу, мы радуемся – мы это сделали!

Кроме показов работы с конкретными детьми по видеозаписям, мы проводим консультационные занятия с детьми района, в котором проводится данный семинар. Одного из детей, которому отказали в дошкольном учреждении из-за диагноза «синдром Дауна», Надежда Степановна Трухачёва консультировала перед всей аудиторией. Рядом была мама ребёнка. В зале специалисты из отдела образования, воспитатели из ДОО. Из этого занятия всем стало видно, что по развитию ребёнок вполне соответствует своему трёхлетнему возрасту. Надежда Степановна обращается в зал: «И что мешает взять этого ребёнка в садик?» Из зала в ответ: «Ничего!».

Вот так мы используем любой случай, чтобы помочь на местах маленьким человечкам. Этот ребёнок попал в садик.

Вопросы, на которые мы часто отвечаем на семинарах:

«А не проще ли сдать такого ребёнка в интернат?»

Мы: «На каких основаниях?».

Нам: «Он не ходит, не говорит, не делает...»

Мы: «Он чувствует. И потом, люди после ДТП, инсультов, укусов энцефалитного клеща приобретают некрасивые симптомы. Что, всех сдавать?»

Нам: «Ну, это другое».

Это не другое. Или мы принимаем человека таким, какой он есть, или мы роботы, и нам всё равно, с кем работать. Доводы многих специалистов: «Сдайте ребёнка, родите другого, здорового» – неоправданны. Человек может сдать в ремонт сломанный телевизор, часть себя не сдать. Мы пропагандируем: «Рожайте ещё детей. Другие дети помогут тому, который пока отстаёт в развитии». И если уж честно, забот хватает хоть с больным ребёнком, хоть со здоровым. Имея в виду непростую психологическую ситуацию у родителей таких детей, на семинарах мы проводим тренинги для родителей и специалистов.

Расскажу историю одной семьи. Диагноз ребёнка в роддоме родителям не сообщили. Ребёнок месяц жил в семье, сосал грудь (на что имеет природное право), озадачивал родителей младенческими проблемами и тут... Пришёл генетический анализ: «Трисомия по двадцать первой хромосоме. Диагноз – “синдром Дауна”». От врачей последовало предложение отказаться от ребёнка. И вот семейный совет: кто понесёт ребёнка в детский дом? Отец, который долго ждал этого ребёнка? Мать, у которой этот ребёнок живёт в сердце и грудном молоке? Бабушка, которая вообще в диагнозах не понимает? Руки, ноги на месте – и ладно. Так и живёт ребёнок пятый год в семье и радует родителей... У него был месяц, чтобы спастись. У многих этого времени нет. Нельзя сообщать в роддоме многие диагнозы. Надо дать семье шанс, чтобы обдумать, принять решение и остаться полной. Надо всем давать право на любовь. Торопливость здесь просто трагична!

Школа Бороздина – это не просто занятия с детьми, которых из-за их особенностей никуда не принимают. Это духовное движение, оно учит принимать ребёнка, который не может постоять за себя, как полноценную, здоровую личность.

Вилли Мельников – личность, что называется, «из ряда вон выходящая». Ему тесно в рамках одной группы, одного языка, страны, культуры – и он путешествует, учит новые языки, вступает в различные сообщества...

Таков Мельников и в творчестве. Чтобы выразить свои ощущения, ему мало одного языка, пусть даже одного из самых богатых в мире. Он с лёгкостью создает новые слова. Взять хотя бы его обозначение собственных афоризмов – «Определезвия и ощущение»: они призваны резать читателя, как лезвия, и быть занозисты на ощупь, будто корявые щепки. А если мало и этого, Вилли соединяет воедино слова разных языков. «Арле`King, говорящий на Queenglish», – так он определяет Владимира Высоцкого в первой же строке посвященного ему стихотворения. В одной фразе причудливо сочетаются арлекин и King (король), название рок-группы Queen (в переводе с английского – королева или дама) и языка, на котором она пела...

Распутывать такую вязь обычному читателю тяжело. Гораздо легче сказать, что стихи слишком вычурны, манерны и сложны для понимания. Возможно, так оно и есть – но лишь потому, что таков их создатель. Поэтому не надо спешить с приговором. Лучше просто впустить в себя строчки Вилли Мельникова, не расчленяя их на смысловые единицы. Авось их ритм сам найдет отклик в вашей душе...

Екатерина Зотова

10 лет – 10 номеров

Вилли Мельников

впервые с нами

Аф`дин`-и-станция

Мне пришлось называться рекою лимонного сока, заструиться в бумажный песок по ступеням верлибров, распугав притворившихся зебрами заспанных тигров и омыть крест часовни, что срублена возле истока.

Та воронка от взрыва желаний – по прозвищу Небо, что воспета принявшим за флейту трубу паровоза, мне раскрыла, что месяц – всего лишь опилок-заноза, извлечённый землёю из корки межзвёздного хлеба.

Я узнал, как целуются сны со взрывною волною, разгадав несогласие шлема с бураном валькирий. Разрубив все затворы гаремов святош-перемирий, оберну одеялом Микен полинявшую Трою.

Нелинованный лев приготовил мне кисточку с тушью, и клякстатый иероглиф поднял на рога упрощённость. Я прошу изумлённым галактикам непосвящённость и пройду по артерьям подтекстов и головокружью.

Небосклонностям крыш незнакомы восторги подвалов; Погребам не понять надкарнизные шелесты крыльев. ВосСоздатель не в силах желать обращения в пыль Ев, Не отведав Адамовых яблок и спелых астралов.

В.С. Высоцкому

Арле`King, говорящий на Queenglish, – Отрицарь, соглашею свернувший, Лансеглота пославший на ринг лишь, где драконтур колеблется вспухший.

Неуступость речей спорострельных – опустевшие междусобоймы. ПостоЯнусу чудится цель в них, когда штормом считаем прибой мы

От свободности пышный на нас мех – в развлекаше из видео`sleep`а. Что циклятам посыпано на снех, синекуры склюют с недосыпа.

Взмыл аркангел, смиренность кляня, чьё кумирро пьянит, как текила – кобылинная сила коня: Троя в лодке, считая Ахилла,..

На протёртый бессловьем пергамент слей настой недостоянных вахт. Morgen`ал от “Tag`анки” осл`Abend: даже спать завалился в шта`Nacht!..

Возразжженье свечи – средь просвир оса. От опавших молитв чисто храм мети! ...Нимб святошего неуловивура, – марш на исповедь к неисчерпамяти!

Леониду Губанову

Холст тридцать семь на сорок два. Такого же размера небо... Мы воскресаем не от хлеба, Его в свечах смочив едва.

Взмах птицать три на сорок вспять. Такой же высоты безмерье... Мы не от вьюг теряем перья, В чернила бросив их вмерзать.

Даль сто отвёрст и насовсемь. Такой же безвозврат – билетам. И снег ложится нераздетым, Всхрусталив мёрзлословья немь.

Шлем шестью жечь да на копыё. Такой же глубины пронзелье. Мы не распаханы в похмелье, Стирая с терния репыё.

Кисть – пол-ручья на тьму песков. Такой же жажды в море сахар. Мы пьём из смерть-с-пути-сметафор, Сжав апогейзеры висков.

Ночь свечью девять – в ноль луны. В таких же снах – «павлинье око». Очнувшись от опустошока, Мы стали в паузах вольны.

Талант и гений

Талант — всегда сын своей эпохи. Гений — её подкидыш.

Талант непременно женится на своей душе и бывает хорошим семьянином. В случае развода становится курильщиком «Нормальборо» и едоком умиротваренья. Душа гения обречена оставаться старою девой, при этом рожая от непорочных зачатий.

Талант становится известным проповедником и иногда даже получает отдельный приход. Гений уже рождается вселенским патриархом.

Талант честно платит за проезд своими идеями. Гений вкладывает в компостер собственную руку и прочитывает в изрешёченной кисти невиданные откровения.

Талант способен прорасти на многих видах грунта. Гений превращает в чернозём и голый камень, и просто пустоту.

Талант всегда найдёт свет в конце тоннеля. Гений сможет прорубить тоннель в конце света.

Определённая и ощущения

Весна и осень жизни

Далеко не всякая новорожденочка вырастает заглядевушкой, становится головокруженщиной, доживает до неувядамы и достигает мудрости улыбабушки!..

Счастье — это когда, подпрыгнув от радости, приземляешься уже на другую планету.

Иных уж нет, а те — долечиваются!..

Осень жизни: прекрасная пора — врачей очарованье!..

Немного истории

Один римский патриций имел обыкновение опаздывать на званые обеды и появлялся, когда пирушка была в разгаре. С тех пор и пошла поговорка: «Аппий Тит приходит во время еды».

Революции — это эра-генные зоны истории.

Книга по истории революций — путчеводитель.

Никто не меняется так быстро, как человек, и ничто — так медленно, как человечество.

Экономическое

Какой напильник не считает свою насечку штрих-кодом?!

Перестройка старой крепости под отель — комфортафикация.

Надо отдать должное!.. но не обязательно — задолженное!..

Законно называл себя бессребреником, не отказываясь от золота.

Профессионализмы

Сапёр обязан сохранять хорошую мину при плохой игре в детонатор.

Если тебе удалось убедить шляпу в том, что она туфля для головы, а ботинки — что они кепки для ног, значит, ты обладаешь абсолютным даром внушения.

Попробуйте убедить стреноженного коня, что тройная точка опоры — максимально устойчива!

На интегралы надейся, а таблицу умножения помни!

Эрудиция — это фильм на одном языке, продублированный на другом и снабжённый субтитрами на третьем — при синхронном переводе на четвёртый. Мудрость — это немой.

Журналист — это писатель, который публично ведёт дневник, но выдаёт его за интервью.

Лицемэр обжёт муниципальчики.

Из-за повального увлечения ставить точки над «i» на долю «ё» ничего не остаётся; потому её и печатают лысой!..

Художник — это тот, кто обучает пространства языкам времён.

Искусство — это старание художника доказать всему миру, что он никому ничего не хочет доказывать.

Природа

Солнечное затмение — это попытка луны вызвать у себя просветление.

Ранняя весна — это зима, угодившая в соковыжималку!..

Тем и хороша стоячая вода, что под лежащий камень не течёт.

Между цирковыми лошадами — взаимопони-мания.

«Насильно мел не будешь!» — вздохнул уголь.

Кактус – это разочаровавшийся в жизни и не верящий ни во что огурец.

Сборник волчьих мемуаров: «Незавываемое».

Средство от тоски полярной ночи: северное смеяние.

Мысли о будущем

С планеты на планету – космонавтоstopом!

Любимое вино роботов – «Кибернэ».

О творцах и их творениях

Рукописи не сторают сами потому, что сжигают своих авторов.

Романист бросал на окружающих многотомные взгляды.

Человека бояться – в люди не ходить!..

В храме св. Параскевы Пятницы настоятель – отец Робинзон.

Человек – терновый венец творения.

От мыслей дым шёл коросмыслом...

Сплетня – компот из слухофруктов.

Как выжить цветцу нации, если большинство населения страны – дальтоники?..

Юморист работает круглошуточно.

География

Истинно российский путь выхода к морям: прокладывание каналов от лужи к луже...

Объединение Европы – самый грандиозный случай евроремонта.

О вечном

Память – это Будущее, которому Прошлое вечно обещает достать билет на премьеру Настоящего...

Новое – это старое, переставшее задумываться о своём возрасте.

Календарь – попытка мгновений приручить вечность.

Вы знаете, как трещат поленья в костре? Как пахнет трава после дождя? Сколько звёзд видно в тёмном ночном небе?

У активного коллективного отдыха на природе много поклонников. Шашлыки на даче, ночёвка в палатках в лесу, водные или пешие туристические походы – не столь важно, какова его форма. Главное – свежий воздух, хорошая компания и дружеская атмосфера. В такой раскрепощённой обстановке легко завести новые знакомства, обрести друзей, а если отдых связан с путешествием – и расширить кругозор.

10 лет —

Ирина Позднякова

в журнале с первого номера
10 номеров

На границе МЕЩЁРЫ И КОСМОСА,

или Между страусом и зубром

Об итогах одной поездки

Немало поклонников такого времяпрепровождения и среди людей с ограниченными физическими возможностями. Многие организации инвалидов проводят экскурсионные поездки, туристические походы, летние лагеря. В них принимают участие даже люди с очень тяжёлыми заболеваниями.

Распространена и интеграционная схема – когда туристические мероприятия организуют совместно инвалиды и здоровые люди. Часто подобные выезды проходят при активном участии волонтеров.

До недавнего времени я знала обо всём этом лишь из статей и книг. Но летом 2010 года мне довелось самой поучаствовать в такого

рода деятельности и провести несколько интересных дней в чудесном уголке Рязанской области.

Идея самим организовать подобный лагерь появилась уже давно. Крутилась она в головах людей, с которыми я давно общаюсь, дружу и вместе работаю. Некоторые из них – например, Владимир Опока, Дмитрий Желонкин, Максим и Александр Панкины – увлечены туризмом, принимают участие в достаточно серьёзных походах.

Ребята давно мечтали приобщить к своему кругу людей, которым не так просто выбраться из дома, и устроить для них отдых на природе, а попутно попытаться организовать программу психологической помощи и культурные мероприятия. Выполнима ли эта задача? Конечно, у нас не было возможности организовать что-то масштабное. Но кто сказал, что количество всегда равняется качеству?

А вариант для поездки имелся. Наш знакомый, Олег Печурин, готов был предоставить нам на неделю свой дом в деревне Папушево Спасского района Рязанской области. Конечно, деревенский дом – это не комфортабельный пансионат, но в то же время и не палаточный лагерь. При наличии здоровых сопровождающих или волонтеров в нём возможно проживание даже инвалидов с тяжёлым поражением опорно-двигательного аппарата. Летом там может разместиться до 15 человек.

В этом предложении соединилось сразу несколько удачных обстоятельств: дом большой, находится в хорошем состоянии, вокруг – чистая деревенская природа, вблизи протекает река Пра – словом, всё, что нужно для комфортного летнего отдыха. А неподалёку находится Окский биосферный заповедник с питомниками, которые разрешено посещать туристам, и село Ижевское – родина Константина Эдуардовича Циолковского, где работает Музей космонавтики. Следовательно, есть отличная возможность для проведения интересных экскурсий...

Однако в течение двух или трёх лет эта мысль оставалась только мыслью, не спеша воплотиться в конкретные дела. Было понятно, чего мы хотим, – но не совсем ясно, как действовать, с чего начинать. И тут нам помогла встреча с преподавателями-психологами из Рязанского государственного университета, предложившими нам провести тренинги для молодых инвалидов. Всё наконец сошлось в одну точку: время, место, люди...

Был написан проект, составлена смета расходов. В неё мы заложили, по существу, лишь самое необходимое: еду, транспорт, оплату труда привлечённых специалистов... На всё это потребовалось 40 тысяч рублей. Благодаря помощи депутата Рязанской городской Думы Л.И. Максимовой, председателя Комиссии по молодёжной политике Рязанской городской Думы Л.С. Пастуховой и других неравнодушных людей эти деньги удалось найти. Предложили помощь Рязанский радиотехнический университет и Спасский РОНО. Лагерь запланировали на начало августа.

И тут начались помехи... Главной из них стало аномально жаркое лето 2010 года, принёсшее страшную беду – лесные пожары – и на территорию Рязанской области. В первых числах августа объявили режим чрезвычайной ситуации. На улицах не было видно соседних домов из-за густой пелены дыма. Целые деревни оказались уничтожены огнём. Горели леса и на территории Окского заповедника...

Весь август мы просидели в режиме «шагом марш – отставить!», перенося дату отъезда то на несколько дней, то на неделю, надеясь на улучшение погоды. А небывалая жара не уходила, и леса продолжали гореть.

Режим чрезвычайной ситуации был снят только через три недели. Перед нами стоял вопрос: проводить ли всё-таки лагерь или отложить до следующего года? Аномально высокие температуры сменились типичной предосенней прохладой, купаться было уже нельзя... Многие из тех, кто сначала хотел поехать, отказались.

И всё-таки мы решили рискнуть! И 26 августа отправились в Папушево.

Несмотря на все «переигрывания», компания получилась очень интересная. Она собрала людей не только из Рязани. Было в ней двое москвичей, в том числе Мария Загорская, профессиональный художник и поэт (работы Маши были опубликованы в «Луче Фомальгаута» № 3) и одновременно – неоднократная чемпионка России и призёр международных соревнований по конному спорту среди инвалидов. Кстати, к нам Маша приехала прямо после Парижа, где жила целый месяц, занимаясь творчеством.

А из Новомичуринска, что в Рязанской области, приехал Андрей Цыпляев, со стихами которого наши читатели тоже хорошо знакомы.

Но и остальные обитатели уютного папушевского дома – замечательные люди. Володя, Дима и Максим – наши главные организаторы, а Максим – ещё и водитель. Олег – гостеприимный хозяин и мастер на все руки, Валентина Филипповна – мама Олега, которой за всё наше пребывание была полная «лафа» – готовить ей не приходилось, эту обязанность на себя взяла наш повар, Наталья Александровна. На этих людях лежал основной груз забот по организации и хозяйственному обеспечению, и они с ними прекрасно справились!

Из пятнадцати человек, приехавших в лагерь, десять были инвалидами, остальные – специалисты и сопровождающие. Например, вместе с Верой приехала её мама, Галина Константиновна. Они искренне радовались возможности пожить на природе, ведь самим им трудно куда-то выехать: Вера плохо ходит, и дачи у них нет.

Рафаэль – москвич и городской житель до мозга костей, и небольшой отрыв от мегаполиса ему, наверное, казался экзотикой. Тем более что дом Олега – это не современная дача, а настоящая крестьянская усадьба. Дом построен более ста лет назад, а кирпичи в его стенах – ещё «старше»: их взяли из стен заброшенного стекольного завода. Интересно было видеть в комнатах крестьянскую утварь, сохранившуюся до наших дней: глиняные крынки, чугунные утюги, старинную железную кровать... Несмотря на солидный возраст, дом находится в хорошем состоянии – видно, что есть бережный хозяйский уход. В его комнатах удобно и комфортно разместились Маша, Андрей, ваша покорная слуга, Вера, Галина Константиновна... Часть ребят, и прежде всего наши бывалые туристы, жили в летних неотапливаемых помещениях.

Впрочем, экзотика поджидала нас и за оградой – причём экзотика совсем другого рода. Через дорогу от нашего дома, в сени берёзок, которые тут же вызывали в памяти шаблонные фразы о «есенинских краях» и «стране березового ситца», в просторном загоне важно разгуливали... африканские страусы! Да, разведение этих птиц стало в последнее время модным и прибыльным бизнесом, который добрался и в рязанскую глубинку. А нам обитатели страусиной фермы подарили немало приятных и забавных минут общения. Те, кто видел их, никогда не забудут этих великанов – аристократов птичьего мира. Важная осанка, гордо посаженная голова. Огромные глаза – между прочим, самые большие среди всех наземных животных. Капризный нрав, иногда – сорочья проворность: стащить, например, очки с носа и утянуть на почти трёхметровую высоту – мало не покажется! Слава богу, ни с кем из нас подобного не приключилось, но Валентина Филипповна об одном таком случае, произошедшем с ней, рассказывала. Но в то же время – удивительное впечатление беззащитности, возможно, усиленное контрастом гигантских птиц с типичным среднерусским пейзажем...

А всего в нескольких километрах – посёлок Брыкин Бор, главная усадьба Окского биосферного заповедника, где ведётся работа по сохранению животных, которые, в отличие от страусов, являются исконными жителями наших лесов. Заповедник был создан в 1935 году с целью охраны выхухоли, бобра, лося. В дальнейшем открылись питомники зубров и редких видов журавлей. Зубровый питомник Окского заповедника вносит свой вклад в сохранение последнего европейского вида диких быков, в первой половине прошлого века оказавшегося на грани уничтожения. В древности они обитали от Пиренейского полуострова до Западной Сибири, встречались и в Англии, и в Южной Скандинавии. Но из-за интенсивной охоты численность зубра быстро сокращалась. В XIX веке его можно уже было встретить лишь в Беловежской пуще и на Кавказе. Настоящей же катастрофой для этих животных стала первая мировая война и годы разрухи. Последний живший на свободе зубр был убит браконьерами в Польше в 1921 году, а на Кавказе последних трёх быков убили в 1926 году. В зоопарках и частных владениях всего мира сохранились лишь 66 животных... К счастью, работа учёных позволила восстановить популяцию, несмотря на тяготы новой войны... В настоящее время численность зубров во всём мире – порядка трёх тысяч особей.

В журавлином питомнике ведётся работа по выращиванию и сохранению японского, даурского, серого, канадского журавлей, журавля-красавки. Но главная гордость питомника – стерх, или белый журавль. Эти красивые птицы гнездятся только на территории России, и в природе их численность тоже не превышает трёх тысяч особей. Начиная с 70-х годов XX века стерхов стали разводить искусственным путём. Учитывая то, что в природе из двух вылупившихся

птенцов стерхов, как правило, выживает только один, орнитологи изымали одно яйцо из кладки и помещали его в инкубатор. На сегодняшний день несколько тысяч белых журавлей содержатся в условиях вольеров в Бельгии, Китае, России и США. Птиц выпускают и в дикую природу. Рассказывая нам об этом, работники заповедника с сожалением отмечали, что выращенные с большим трудом птицы подвергаются многим опасностям в природе. Особенно трагично положение стерхов, летящих на зимовку в Индию. Они пролетают над территориями Пакистана и Афганистана, где охота на них не запрещена...

К сожалению, когда мы попали на территорию заповедника, шёл проливной дождь. Природа словно навёрстывала упущенное, компенсируя недавнюю засуху... Но мы посетили Музей природы, где выставлены чучела животных и диорамы, изображающие их жизнь в естественной среде, и, невзирая на потоки воды, льющиеся с неба, отправились на встречу с обитателями питомников. Птицы держались далеко в глубине вольеров, а вот зубры подходили к самой сетке. Рыже-бурые мохнатые быки флегматично смотрели на людей, и им, в отличие от экскурсантов, было всё равно, какая сейчас погода...

Если поездка в заповедник была в прямом и переносном смысле «подмочена» дождём, то Музей космонавтики в селе Ижевском нас не разочаровал ничем. Я была там во второй раз, но это мне нисколько не помешало вновь с восхищением ходить по залам, разглядывая макеты и схемы космических аппаратов, стенды о жизни К.Э. Циолковского... К сожалению, в статьях и передачах об основоположнике космонавтики Ижевское незаслуженно остаётся в тени. Все так привыкли считать Циолковского калужанином, что порой даже журналисты допускают ляпы, утверждая, что Калуга – не только место работы, но и родина учёного.

А больше всего я ждала новой встречи с «Союзом-22». Это не макет, а настоящий, побывавший в космосе спускаемый аппарат корабля, на котором в сентябре 1976 года совершали полет советские космонавты Валерий Быковский и Владимир Аксёнов (последний – уроженец села Гиблицы Касимовского района Рязанской области). Хотелось посмотреть, произведёт ли он такое же неизгладимое впечатление на ребят, как на меня – семь лет назад, когда я была в Ижевском первый раз. Я надеялась, что это будет именно так. И не ошиблась. Каждый старался заглянуть в иллюминатор, а многие (хотя, наверное, это запрещено) украдкой потрогали чёрную шершавую обшивку, обгорелую после трения о земную атмосферу при спуске... А я вдоволь фотографировала космического скитальца, исполняя свое желание, не осуществлённое в ту, первую поездку, когда у меня ещё не было своего фотоаппарата.

Этим программа лагеря не исчерпывалась. Как и предполагалось, с нами провели тренинги психологи из РГУ – Ирина Бакова и Татьяна Беспалова. Мы погружались в мир невербального (несловесного) общения, стараясь лучше взаимодействовать друг с другом при помощи взглядов, жестов, прикосновений. Были в этих тренингах и элементы арт-терапии – рисование и создание фигурок из мятой фольги. Мы от души веселились – но одновременно и задумывались о важных для себя вопросах...

Но самое, наверное, главное – что участники лагеря и сами могли научить других чему-то интересному, увлечь и заинтересовать.

Олег, работающий в Ижевском учителем труда и руководителем кружков прикладного творчества, провёл для нас целый мастер-класс, показывая своё умение вытачивать деревянные детали на маленьком станке, который, кстати, он тоже изготовил сам. Многие ребята увезли с собой на память поделки.

Андрей Цыпляев, который всю жизнь занимается с детьми, развлекал нас тем, что загадывал хитроумные загадки, думая над которыми взрослые люди напряжённо морщили лоб и радовались, как дети, когда после долгих мучений, порой – подсказок и «помощи зала» – находили ответ.

Да и космическая «нотка» в поездке не ограничилась посещением музея. Во дворе нашего дома каждый ясный вечер стоял мой маленький телескоп, о котором я уже писала в статье «Астрономия для друзей» («Луч Фомальгаута», № 8). А Луна, Юпитер и Млечный Путь – самые эффектные объекты ночного неба – рады были покрасоваться перед глазами наблюдателей...

Неделя пролетела незаметно. Каждый день оказался заполнен не только экскурсиями или занятиями, но и просто общением. Были и шашлыки, и ночные посиделки у костра... Некоторые участники, до лагеря незнакомые друг с другом, продолжили общаться и после поездки. С ощущением единства и родства мы писали в последний день свои впечатления в импровизированную книгу отзывов... Вот отрывки из неё:

Нет ничего прекрасней общения с новыми друзьями, задушевного разговора у костра под шёпот звёзд и переборы гитары. Спасибо организаторам и спонсорам за всё это! Всё было замечательно!

(Вера)

Здесь собрались замечательные люди, очень доброжелательные, приятные в общении. Отдельное спасибо хозяевам дома, где мы жили. Моя дочь от этой поездки просто в восторге и мечтает ещё раз сюда вернуться. Расставаться было жаль.

(Галина Константиновна)

Рада, что съехались люди, которым трудно передвигаться самостоятельно: они больше других нуждаются в отдыхе вне дома и в общении.

(Ольга)

Я благодарю Судьбу, пославшую мне таких гостей! Это культурные, воспитанные, тактичные, душевные люди. Рада, что они остались довольны этой поездкой.

(Валентина Филипповна)

Было очень приятно общаться с умными, воспитанными и эрудированными гостями, которые, пробив несколько дней, оставили приятные и неизгладимые впечатления о себе. Спасибо за всё!

(Олег)

Если бы у меня была вторая жизнь — я бы провёл её в этом месте и с этими людьми! Всё было просто здорово: и проживание, и питание, и культурная программа. А главное — общение! Я нашёл несколько новых друзей и получил массу положительных эмоций! Всем огромное спасибо! Мечтаю побывать тут снова и вновь увидеться с милыми моему сердцу людьми!

(Андрей)

...А в целом наш опыт в очередной раз подтвердил, что не надо бояться начинать с малого и даже небольшими силами можно сделать что-то полезное. И не так важно, сколько человек получают помощь и поддержку, – главное, что она будет настоящей...

Темы стихотворений поэта из Петрозаводска Олега Гальченко традиционны: любовь, одиночество, несовершенство человека... Однако автор сумел найти для них свой угол зрения, свои образы, свои слова. Гальченко интересуется прежде всего грань, перелом, миг между отчаянием и любовью, жизнью и смертью, светом и тьмой. Он стремится увидеть и показать читателю «тонкий край, где света круг кончается». Зачем? Да хотя бы затем, чтобы ещё раз напомнить о том, что ничто в этом мире не вечно, даже отчаяние и тьма.

10 лет – 10 номеров

Олег Гальченко

в журнале с седьмого номера

* * *

Е.П.

Поныне почему-то не забыл,
как опускался тот промозглый вечер
и как февраль зубною болью ныл
о чём-то о своём, нечеловечьем.

И не хотелось никаких чернил,
а плакать – так и вовсе было глупо.
Я над собою самосуд чинил,
кушая в кровь растресканные губы.

В уме опять роились имена
всех дорогих и проклятых когда-то.
Как горько понимать, что жизнь одна,
и видеть за спиной одни лишь даты,

и ни души, и даже ни следа,
хоть каждый шаг на нерве болью выжжен!..
Да, выход где-то рядом – но куда?
Седьмой этаж не только к небу ближе...

Молчал не первый месяц телефон,
урчал эфир фальшивой сладкой нотой.
А после был тяжёлый, мутный сон,
где я спасал и предавал кого-то.

Но поутру, безликий, словно тень,
жалел, что даже этот сон не вечен.
И ждал меня банальный зимний день.
Всего лишь день до нашей первой встречи...

* * *

Стали тени длинными и узкими.
Скоро снова будут до зари
плыть и плыть под медленную музыку
в океане звёздном фонари.
Сколько в жизни создано и роздано –
сохранится в памяти одно:
как кидала ночь с размаху гроздьями
их в моё замёрзшее окно.

Фонари заснеженного города –
стражи белой, ватной тишины...
Век земной наш призрачен и короток,
но и в нём однажды мы должны,
вниз лицом упав на дно отчаянья,
в одинокой ледяной ночи
тонкий край, где света круг кончается,
за стеной тумана различить.

* * *

В зиме нет повода к унынию.
Но чем утешиться, когда
среди фальшивых блёсток инея
твоя затеряна звезда?

Гадать бессмысленно. Не выменять
свою судьбу на тот покой,
что не запомнит нас по имени.
Стена не дрогнет под рукой.

Не достучаться нам до вечности.
Да, впрочем, не о ней и речь.
Зимой болеем мы и лечимся,
и время учимся беречь,

и за морозными узорами
в глазах стихии различать
рассвета проблески нескорого
и беззащитности печать.

* * *

Учили ниших щедрости, учили
бессмертию живое существо.
А те упорно всё ползли к могиле
и не делили с ближним ничего.

Века на веках старых статуй стыли,
империи в труху стирались, но
всё так же никакой небесной силе
здесь навести порядок не дано.

Зерну не прорасти в дорожной пыли,
в какой бы рай дорога ни вела,
коль сказочные наши «жили-были»
жестоким солнцем выжжены дотла...

* * *

А утро-то вечера не мудренее!
Все раны сильнее болят на заре.
А прошлое с новой вершины виднее,
как зимнего солнца лучи в серебре.

Зов прошлого громче и невыносимей.
Но время не ждёт. И мечтается мне,
чтоб сердце, растратив последние силы,
вдруг затормозило однажды во сне.

В том сне – бесконечны и трепетны встречи,
и некуда деться от добрых примет,
и руки ложатся на тонкие плечи,
и лампы настольной задумчивый свет.

Но есть ли на свете счастливые люди?
А реки, порою текущие вспять?..
С тобой моя сила навеки пребудет,
со мной – твоя правда, да что с неё взять?!

Снежинки – как письма мои без ответа,
в охапке уносят смурные ветра.
А дали того же тревожного цвета,
что были в унылом, постылом вчера...

Валентина Рузавина – лингвист-переводчик (работает как фрилансер). Инвалид I группы. Родилась в 1981 году в городе Краснотурьинске Свердловской области. В настоящее время живет в Екатеринбурге.

Стихи и прозу начала писать с раннего детства. Принимала участие в городских литературных конкурсах, публиковалась в местной прессе.

С огромным удовольствием знакомим вас с жизне-радостными и светлыми прозаическими миниатюрами Валентины.

10 лет —

Валентина Рузавина

впервые с нами

10 номеров

НЕЖДАННЫЙ ГОСТЬ

Блёклый ноябрь завладел трамвайными окнами, укрыл землю густым египетским покрывалом тьмы. Трамвай нёсся сквозь неё как сквозь туннель, где нет времени и пространства. Поздние пассажиры молчаливо сидели или стояли, прислонившись к окнам. Некоторые – закрыв глаза, думая о чём-то своём.

Кондуктор – маленькая, смуглая женщина в белой вязаной шапочке и перчатках с обрезанными пальцами – устало присела. Конец смены. Скоро они отправятся в парк, и она привычно по тёмным улицам побегит домой в уснувшую квартиру. Снег ещё не выпал, а краски ранней осени поблёкли, и за окном темно, хоть глаз выколи.

Перед ней целый день мелькали лица: знакомые, те, с которыми она ездила каждый день, и случайные, те, что появлялись в городской сутолоке и исчезали без следа. По вечерам хотелось закрыть глаза и никого не видеть. Но даже на последних остановках по голосу она различала постоянных спутников, усталых и замкнутых или весёлых и разговорчивых, вопреки позднему часу.

В салон поднялась молодая семья: мать, отец и годовалый малыш. Хотя нет. Пожалуй, был в компании троицы и ещё один не совсем обычный пассажир. По ступенькам, опередив мальчишку в синей куртке с капюшоном и белой опушкой, взлетела пышная связка воздушных шаров, похожая на мыльные пузыри.

У окна пустовало место, но самостоятельный человечек решительно усадил на него мать, а сам стоял, одной рукой держась за поручень, а в другой цепко зажав непокорную леску от шариков.

Молодой отец был, наверное, из тех, кто считает, что из сына нужно растить настоящего мужчину, и немногословно отвечал на бесконечные вопросы: отчего на улице горят огоньки? почему ездит троллейбус? где спят машины? – говоря скорее глазами, чем словами. Мать вечером, после длинного-длинного дня, удовлетворённо наблюдала за своими мужчинами, глядя на них с тихой любящей улыбкой.

Время шло. Люди, выходя на остановках, торопились по домам. Вагон почти опустел. В другом конце напротив мальчика сидела грустная отчего-то девушка, на вид студентка-первокурсница. Кто знает, почему ей взгрустнулось сегодня вечером. Мало ли причин? Да и неважно, но между отцом и сыном произошёл неслышимый разговор, и, кивнув, отец принялся распутывать жёсткую леску яркого среди серости фиолетового шарика.

Кондуктор с интересом наблюдала за дружной семейкой. «И зачем это он его отвязывает? – подумала она. – Им ведь и выходить скоро, вон мать уже и к выходу пошла».

Мальчуган, взяв шарик из отцовских рук, нетвёрдо двинулся по проходу и подошёл к грустившей девушке. Он протянул ей большой, гладкий и радужный мыльный пузырь, вместе с ним порхнул мотылёк детской улыбки. Порхнул и утонул в грустных глазах. Где печаль мгновенно сменилась задорным девчоночьим блеском:

– Это мне?! Ой, спасибо!! Только я ведь уже выросла из шариков.

– Да и мы тоже. Но раз уж он подарил. Пусть сам решает – немаленький, – подали голос родители.

– Ну, спасибо тебе, рыцарь, – звонко рассмеялась девушка. Она ловко вышла на улицу. Грусть осталась где-то там, далеко позади.

Улыбнулась и усталая женщина-кондуктор. Тёмные переулки уже не казались мрачными, а в окне её квартиры поджидал тёплый светлячок настольной лампы.

А девушка, та самая, которой маленький рыцарь подарил воздушный шарик, принесла его домой и повесила над письменным столом. Потягиваясь вечером в кровати, она долго улыбалась неожиданному гостю, поселившемуся в её комнате.

Впереди девушку ждала сессия. Самая-самая первая. Самая-самая трудная. Самая-самая важная. А маленький гость, словно заботливый страж, ещё долго оберегал её удачу.

НАДПИСЬ

Конец ноября занавесью метели укрыл синие окна. То тут, то там загорались электрические светлячки городского вечера. В затенённой комнате за большим круглым столом, который в современной квартире казался вещью из другого столетия, расположилась семья, разглядывая только что напечатанные по старинке – в тёмной ванной – снимки.

Как ни странно, но неприхотливая «мыльница» уживалась в этом доме с компьютером, сотовыми телефонами, микроволновой печью, и другими благами двадцать первого века, и менять её на цифровик никто не

собирался. В ней словно хранилась частичка энергии пожелтевших от времени фотографий.

На одном из снимков на фоне заснеженного деревянного дома стоял высокий молодой человек в чёрной куртке. Она контрастировала с первым снегом и делала пейзаж по-старинному монохромным.

Сходству с поблёкшей фотографией в деревянной рамке, из тех, что висели на стенах у наших прадедушек, не мешали ни трамваи и троллейбусы (снег засыпал их так, что, казалось, они вот-вот превратятся в конку), ни бетонный забор мышиного цвета, где рядом с предвыборными лозунгами красовалась причудливая, как готическая вязь в Средние века, синяя надпись.

Снимали далеко, что именно написано – не разобрать. Буквы, кажется, латинские, походили на иероглифы неведомой тайнописи.

– Зачем ты снялся здесь? Хулиганы намалевали неизвестно что – теперь смотри и думай, – возмутился кто-то из сидевших за столом.

– А мне надпись понравилась. Такая смелая, решительная, вовсе она не хулиганская, хулиганы так смело не пишут. И вкус есть, точно художник писал, – пылко ответил юноша.

На другой день я случайно прогуливалась в том самом месте, где был сделан снимок и прочла: «Do not touch me, you, bastard» – «Отвали, ублюдок». Молодой человек английского не знал.

Странные шутки играют с нами слова. Не понять надпись не так уж страшно, но как не упустить что-то важное, что говорят не только слова, но и символы той культуры, в которой мы живём? Может, и неплохо, что семейная «мыльница» делает кого-то непроницаемым для исписанных заборов.

ПЕРНАТЫЙ РАЗВЕДЧИК

Медное солнце кружилось об руку с осенним ветром. Он шуршал кружевом листвы, разбрызгивал воду в лужах. Яркий сентябрь отцвёл, и кружево поблёкло, измялось – октябрь тяжеломерно шагнул за половину.

Серый асфальт потемнел под кистями дождей. Деревья, растерявшие наряд, выделялись на фоне низкого белёсого неба.

В парке, у замолкшего фонтана, среди узорчатых деревьев стояли два лотка, из тех, какие теперь почти исчезли с улиц. На одном высилась

пёстрая грудка разноцветных носков, варежек и шарфов – на них, словно птица колибри, перепорхнула радуга увядающих листьев. С лотка торговала женщина в серебристо-сером плаще. Он был длинен и укрывал её с головы до пят, превращая в мокрый ствол гибкого дерева.

Её сосед, молчаливый сдержанный мужчина, чуть старше средних лет, продавал семечки и фисташки. От зябкого осеннего ненастья его защищала короткая куртка цвета тёмного ореха и бесцветная, под стать неспокойному осеннему небу, кепка. Из под неё выбивались встрепанные, чёрно-пепельные от седины пряди. Нос с горбинкой, обтянутый желтоватой кожей, напоминал птичий клюв.

Решив перекусить, женщина с улыбкой попросила соседа приглядеть за товаром, спросила, не нужно ли чего, и, гулко зацокав каблуками по асфальту, направилась вверх по аллее.

Зябко ёжась и прищуриваясь, он смотрел в небо и прохаживался туда-сюда, тряпичным пугалом разгоняя дерзкие стайки вездесущих воробьёв. Время тянулось медленно, и он смотрел, как движется по ветвям деревьев кривой луч запанного солнца, как удлиняются тени.

На край лотка, того, что принадлежал его молчаливой соседке, уселся встрепанный воробей и искоса, словно подмигивая, посмотрел на семечки.

На лавочке неподалёку присел мальчишка лет двенадцати. Он задумчиво ел пирожок, рассеянно разглядывал прохожих. Вдруг на глаза ему попала храбрая птичка. Боясь разгневать сердитого продавца, он улыбнулся уголком рта и сделал вид, что смотрит в другую сторону.

Но тут его окликнули:

– Эй, мальчик, пойдй сюда.

– Вы меня? – переспросил тот.

– Да, послушай, купи, пожалуйста, минералки – пить хочется, а я тебя семечками угощу.

– Ладно, – согласился тот и, взяв протянутые деньги, исчез за деревьями. Вообще-то с незнакомыми он не разговаривает. Он вообще мало разговаривает, но с этим сердитым «воробьём» они почти подружились за лето. Мальчишка часто приходил в этот тенистый скверик.

Вернувшись, он увидел, что пернатый храбрец ещё не улетел, а продавец задумался и отчего-то забыл про страшное тряпичное пугало. Протянув обещанную минералку, мальчуган взял у него из рук газетный кулёк с семечками. Они пахли солнцем и солью. Он уселся в стороне и принялся щёлкать их. Время от времени, когда ему казалось, что никто не видит, он бросал семечки, украдкой подзывая птиц. Когда продавец оглядывался, приходилось притворяться, что с усердием читаешь вчерашнюю газету.

День близился к вечеру, пора было уходить. Попрощавшись кивком головы с неразговорчивым мужчиной, парень поднялся и заспешил домой. Уже выходя из парка, он вспомнил, что оставил на скамейке кулёк с семечками, и решил вернуться. Поздней осенью темнело рано, и улицы почти опустели, но он жил близко и мог найти дорогу даже на ощупь.

Проходя между деревьями к скамейке, на которой он сидел, мальчишка замер. Убедившись, что никто его не видит, сердитый продавец щедро насыпал угощение тем самым воробьям, которых днём безжалостно отгонял прочь. Может быть, за храбрость разведчика, который так и не улетел, а может, потому, что в душе и сам походил на маленькую неунывающую птицу.

Стихи Николая Ершова из города Новомичуринска Рязанской области уже публиковались на страницах нашего журнала. Мы рады, что его творческий путь продолжается и в новых стихах (которые сам он считает текстами песен) появляются глубокие лирико-философские мотивы, размышления о вечных ценностях. Надеемся, что они найдут отклик в ваших сердцах, дорогие читатели.

10 лет – 10 номеров

**Николай
Ершов**

в журнале с третьего номера

Актёрам

Есть у актёров комната зеркал,
Куда они приходят перед ролью,
Где в отражениях течёт река,
Наполненная счастьем или болью.

Увидеть надо в этой тишине
Глаза того, кто жил на этом свете,
Чей прах забыт, а память – лишь во сне
Доносит отголоском свежий ветер.

Вот этот – весел, счастлив через край,
А этот – был так беспредельно болен.
Что в его сердце? Ад, а может, рай?
С чем канул он в земной печали море?

Чтобы на сцене, в световом луче,
Как в судный день, на время представленья
Вдруг вылиться из текстовых речей
И в нас, живых, проникнуть на мгновенье.

Всем светом или горечью своей
Встряхнёт от сонной пыли наши души!
Всё, что познал он, живший на земле,
Кому ни день, ни час – уже не нужен.

Молчат удары сердца через раз,
Палитра жжёт, обогащая чувства.
Всё мелочное выгорит на раз
Пред таинством великого искусства.

Всё, что ты видел. отнеси домой,
Храни в глазах и ныне будь мудрее.
Жаль, ты вернёшься в мир привычный свой,
Чтоб эту блажь забыть, да поскорее.

А там – аплодисменты и цветы.
А там – вино, романы и интриги,
Где жизнь с игрою переплетены
В один клубок, в постыдные вериги.

И запестреют полосы газет
О личной жизни и судьбе актёров,
О тех, кто жив, и тех, кого уж нет,
О кокаине, свинстве режиссёров.

Но одиночества вовек им не понять,
Которое приходит после роли.
Кого-то – отпускать во тьму опять,
Изведавшего в венах твоей крови.

И снова возвращать себе лицо,
Которое ему принадлежало,
И, как свеча, сгорая с двух концов,
Вмешать всю боль чужой души пожара.

Марионетка нити порвала.
Остался силуэт опустошённый.
И тоже ведь домой идти пора
В тверёзом виде, в виде разрешённом.

Есть у актёров комната зеркал,
Но сколько лиц истёрлось в этих бликах!
И скольких лучших унесла река
В глаза героев, мелких и великих?

Без названия

Капля за каплей, хмурое небо.
Дни, словно старая лента кино.
Нивы застыли в предчувствии снега.
В небе закаты разлили вино.

Всё улетает за птицами к югу,
Я на закат одиноко смотрю.
Всё. Вот и стали чужими друг другу?
Данность, а нового не сотворю.

Реки бегут, ни одна не вернётся.
Карты всех дней в паутинках разлук.
Сколько сердец в мире порознь бьётся,
Столько и вместе, смыкается круг.

Ты улетела, сожгли наше лето
Робкие звери осенних костров.
Что-то осталось в душе без ответа
Или он был до вопроса готов?

В ветер ночи я уйду, пошатнувшись:
Лёгкая тень у седых фонарей.
Стану вином согреваться и слушать
Шёпот снежинок, усталость полей.

Будет в окне это серое небо,
Хроника дней, словно лента кино.
Ветви и сны запылены снегом,
И догорело заката вино.

Монолог уезжающей девушки

В твоём городе ночь
Смотрит взглядом небес.
Ты меня напророчь,
Словно добрую весть.
Ты меня позови,
Когда плачут ветра
От бескрайних разлук
И нелепых утрат.

Ты придумай меня
Из несбывшихся снов,
Из прожитого дня,
Из несказанных слов,

Из огней тишины,
Километров дорог,
Слепoglухонемых
Мной начертанных строк.

У тебя за окном
Стихий города шум,
Где стучит мой вагон,
Как тебя уношу?
В белых криках души
Иль в гудении струн?
Из бессонниц сложив
Грань рассыпанных лун.

В чьи-то руки ладонь.
Только холодно в них.
С кем разлить по одной
Эту жизнь на двоих?
С кем придумать тебя
В этом сердце пустом?
С чем срифмую себя
В своей песне потом?

И несутся огни
В тёмно-синюю ночь.
Ты меня позови,
Ты меня напророчь.
Всё внутри сожжено,
Но поёт и поёт.
Буду – всё и ничто,
Я – вершин твоих лёд.

В твоём городе ночь
Смотрит взглядом небес.
Ты меня напророчь,
Словно добрую весть.
Ты меня позови,
Когда плачут ветра
От разлук по любви
И нелепых утрат.

10 лет —

Тамара Мурунова

*в журнале с пятого номера
10 номеров*

ГДЕ-ТО В ОДНОЙ ИЗ КВАРТИР

В эту квартиру Галина Фёдоровна переехала два года назад. Современный микрорайон, весь из стекла и бетона, с рвущимися ввысь многоэтажками... Когда она выходила на лоджию, ей становилось немного тоскливо от всего этого нагромождения домов, потому что, куда ни кинь взгляд, были одни камни и асфальт, и совсем не было зелени.

Галина Фёдоровна жила в однокомнатной квартире, светлой и очень просторной. Новый микрорайон тем и соблазнил её, что все квартиры здесь были улучшенной планировки, с большими кухнями, шестиметровыми лоджиями. К тому же был лифт, а Галине Фёдоровне, с её большим сердцем и постоянной одышкой, только на лифте и можно было подниматься на этажи.

Но, пожалуй, это было и всё, что её радовало на новом месте. В остальном же переезд не принёс ей ничего хорошего — люди здесь жили уединённо, друг с другом не общались, и Галина Фёдоровна, не обладающая и сама общительным, инициативным характером, страдала от одиночества.

Хотя люди в доме жили, наверное, неплохие. Например, в подъезде она часто встречала высокого, худощавого мужчину приблизительно

своего возраста. У него было умное, интеллигентное лицо с аккуратно подстриженными седыми волосами. При встрече он вежливо здоровался, а если вдруг случалось столкнуться в дверях, всегда пропускал её первой, как настоящий галантный кавалер. Встречала Галина Фёдоровна в подъезде и молодую пару, скорее всего, молодожёнов — ребят довольно симпатичных и весёлых, которые тоже всегда приветливо с ней здоровались.

Но на своей лестничной площадке она никого не знала. Не знала, кто живёт этажом ниже её, кто — выше, и подчас, когда случался очередной сердечный приступ, Галина Фёдоровна с грустью думала, что в случае беды о ней, вероятнее всего, не скоро и спохватятся.

Впрочем, мысли эти были просто так — к своему состоянию она уже давно привыкла и свою раннюю инвалидность воспринимала почти спокойно. Она любила книги, много читала. Потом был телевизор со своими затяжными сериалами по всем каналам, старенький её друг — проигрыватель со множеством самых разных пластинок. Это тоже согревало её одиночество. Не хватало только людей, с которыми можно было попить чайку, поделиться мыслями о прочитанном, да и просто не спеша, от души, поговорить.

Правда, иногда звонили бывшие сослуживцы по работе, соседи по старой квартире, кто-нибудь из давних приятельниц вдруг вспоминал о её существовании, но случалось это всё реже и реже, в основном по каким-нибудь праздникам, и Галина Фёдоровна всё чаще и острее ощущала, что она стареет.

Особенно это чувствовалось по утрам, когда совсем не хотелось просыпаться, вставать, идти на кухню, ставить чайник, а потом в полном одиночестве завтракать.

Летом она разнообразила свой досуг тем, что долго и много гуляла по улицам. Или шла в ближайший скверик и часами сидела там, листая журналы и наслаждаясь теплом, солнцем, шелестом листвы над головой. В сквер часто приходили молоденькие мамы со своими малышами, и на них тоже всегда приятно было смотреть.

Зимой было хуже. Почти постоянно серое небо, стелющаяся по асфальту змейкой позёмка. При одном взгляде из окна уже становилось зябко и неудобно, и, если бы не необходимость идти за хлебом, лекарствами, Галина Фёдоровна вообще бы не выходила на улицу.

Она и сегодня проснулась с большой неохотой. С неохотой поднялась с постели, с неохотой поплелась на кухню ставить чайник.

Последнее время Галина Фёдоровна постоянно чувствовала своё больное сердце. Оно не то чтобы очень болело — скорее, это была даже и не боль, а некое предчувствие, предощущение её. Всю левую сторону груди будто заполнил огромный стеклянный сосуд, и приходилось очень осторожно двигаться, осторожно дышать, чтобы случайно не разбить его хрупких стенок и не натворить ещё большей беды.

Галина Фёдоровна была достаточно грамотной больной. Она прекрасно разбиралась во всех медикаментах, знала, какое лекарство надо класть под язык, а какое лучше разжёвывать или глотать целиком, запивая небольшим или, наоборот, большим количеством воды, сколько капель капать в маленькую рюмочку, которая всегда стояла на столике возле её

кровати. И когда начинался очередной приступ, сразу брала себя в руки, стоически переживая все его выкрутасы. Потому что понимала – ничего другого всё равно не придумать. Лучше или просто лежать, покорно распластавшись на постели и ждать, когда разбушевавшееся сердце, в конце концов, всё же успокоится, войдёт в привычный свой ритм, или неподвижно сидеть в кресле в том же покорном ожидании.

Раньше, когда болезнь только начиналась, Галина Фёдоровна вызывала «скорую» или участкового врача при каждом приступе. Тогда ей казалось, что доктора всё равно сумеют что-то сделать, как-то облегчить дыхание, устранить боль. Но потом, поднаторев, как она грустно шутила, Галина Фёдоровна поняла, что врачи тоже люди и тоже могут далеко не всё. И что самое разумное в ее ситуации – просто покориться неизбежному. Ибо если чему суждено случиться, то оно всё равно произойдёт. В назначенный тебе срок, час, хоть ты тысячи врачей призови, хоть тонну лекарства выпей. Ну, а если ещё не судьба, не время, как говорится, то и вовсе нечего панику разводить.

За окном хозяйничала зима. Галина Фёдоровна зажгла конфорку, поставила чайник и стала смотреть на улицу.

Мелкая позёмка белыми змейками стелилась по асфальту, закручиваясь порой на месте в настоящие снеговые спиральки. Смотрелось это почти красиво, но после недавней оттепели и вчерашнего мороза, превратившего даже крошечные лужицы в сплошной лёд, особо выходить на улицу не тянуло – вдруг поскользнёшься да ещё, чего доброго, и повредишь себе что-нибудь. Но идти было нужно – вчера Галина Фёдоровна допила последние капли.

Вообще-то, как инвалид второй группы, она имела право на бесплатное получение медикаментов. Но отпраиваться в поликлинику, томиться там часами в очереди к врачу, чтобы получить необходимый рецепт на нужное лекарство, а потом ещё и отстоять за ним в очереди тоже чуть ли не час, а то и больше в специализированной аптеке, где эти самые рецепты и принимали, было настолько мучительно, что, поиздевавшись над собой так несколько раз, Галина Фёдоровна в конце концов просто отказалась от такой своей привилегии, решив покупать всё в обычной аптеке. Тем более что та была почти рядом – стоило только завернуть за угол соседнего дома.

Можно было, конечно, вызвать и врача на дом, чтобы та на месте выписала все необходимые для её больного сердца рецепты. Вначале Галина Фёдоровна так и делала, пытаясь как-то привлечь новую врачиху к «сотрудничеству» со всеми своими хворями.

Врачиха была женщиной немолодой и, наверное, давно уставшей от всех этих бесконечных хождений по домам, по этажам, квартирам, а может, даже и от самой жизни. Она и в комнату скорее вползла, чем вошла, и сразу, как куль, рухнула на диван, не потрудившись даже снять с себя плащ.

– На что жалуетесь? – произнесла, не глядя на пациентку, и полезла в сумку за какими-то бумажками.

А потом стала что-то писать в этих бумажках прямо на коленях, подложив под них какую-то книжечку, которую тоже вытащила из сумки.

– Что вам выписать? – спросила, наконец, перестав писать какие-то закорючки, и устало вздохнула.

– Вы врач, вам виднее, – занервничала Галина Фёдоровна, которой всё сразу не понравилось в этом посещении, и особенно последние слова.

В общем, всё получилось как-то не так – не так, как, наверное, должно бы быть между доктором и его больным. Врачиха потыкала фонендоскопом по груди Галины Фёдоровны, потом по спине и молча стала складывать свои бумаги обратно в сумку. А когда за ней захлопнулась входная дверь, Галине Фёдоровне даже захотелось плакать – называется, пообщалась с доктором. А ведь что обычно о врачах говорят? Что он лечит не столько лекарством, сколько словом. Сказал доброе, умное слово, и сразу как бы полегчало – и на душе повеселело, и боль потише стала.

Однако та с первого своего посещения повела себя равнодушно и даже с неким раздражением. В общем, от таких встреч, если не было острой необходимости, она решила отказаться. Вот если совсем скрутит, тогда уже некуда будет деваться.

Ниночка Петровна, участковый терапевт по прежней, старой квартире Галины Фёдоровны, это хорошо знала. Она умела и поговорить, и успокоить, и, главное, убедить, что не всё так уж и плохо, а будет и ещё лучше. Если, конечно, будут соблюдаться все её рекомендации, все советы, приниматься лекарства вовремя.

– Но самое главное для Вас – воспринимать всё без паники. Лекарства – лекарствами, а внутренний настрой – это как заведённый механизм. Как поставите его, так он и работать будет, без всяких сбоев.

И, правда, вроде сердце начинало трудиться спокойнее, ритмичнее.

Докторша и на прощание не только всяких хороших лекарств понавыписывала Галине Фёдоровне, но и, как всегда, полезных советов и рекомендаций кучу надавала.

– Не забывайте время от времени делать и электрокардиограмму, и эхограмму, – просто даже как будто попросила её.

Первое время Галина Фёдоровна, и правда, ходила в поликлинику, записывалась за месяц вперёд то на одно обследование, то на другое, просиживая там по полдня, а то и больше, но потом и на это махнула рукой. Для чего вся эта канитель? Если бы сердце от этого начинало лучше работать, а то ведь только ещё больше уставало – пока до поликлиники доплетётся, пока обратно приползёт... Несколько дней потом отлёживаться нужно, приходиться в себя.

А вот поход в аптеку ей доставлял даже удовольствие – женщины там работали приветливые, улыбчивые, и просто поговорить с ними, пообщаться – и то было приятно.

Особенно Галине Фёдоровне нравилась Светочка, совсем ещё девочка, только, наверное, недавно закончившая училище. У неё были такие симпатичные ямочки на щеках и такая щедрая улыбка, что лишь от одного вида милой провизорши поднималось настроение. Да и разговаривала девушка всегда приветливо и со знанием дела. Галина Фёдоровна теперь, прежде чем купить какую-то новинку, обязательно советовалась только с ней.

– Я рекламку прочитала про Тромбо Асс, как считаете, мне можно тоже этот препарат попробовать попить? Он, вроде, кровь разжижает, помогает работе сердца...

Или:

– Вот по телевизору все Капилар рекламируют, просто настоятельно советуют пить его всем сердечникам. Может, и мне купить коробочку?

– Да вы знаете, я, думаю, вреда не будет, – улынувшись, соглашалась Светлана.

Девушка и сегодня встретила Галину Фёдоровну своей открытой, щедрой улыбкой.
– Здравствуйте, – заговорила приветливо, как с доброй своей знакомой. – Опять закончились ваши капельки?

В аптеке в этот час на редкость было безлюдно – ну, может, человек пять-шесть что-то разглядывали в витринах, неспешно прогуливаясь по залу, читали беззвучно инструкции к лекарствам – тоже, наверное, решившись испробовать что-то новенькое и, судя по рекламам, многообещающее.

Раньше и Галина Фёдоровна не особо спешила покидать аптеку. Ей нравились и торжественная чистота уютного зала, и пестрота витрин, изобилующих всевозможными баночками, флакончиками, коробочками с пёстрыми наклейками и этикетками, от которых немного рябило в глазах. Да и сама атмосфера аптеки, где всё было чинно, немного даже торжественно и где все говорили спокойными и несколько приглушенными

голосами, что тоже невольно подчёркивало, что здесь решаются серьёзные вопросы. Но сегодня ничего не радовало, ничего не интересовало. Требовалось просто поскорее купить нужное лекарство, и всё.

Она даже не стала заводить привычные разговоры с провизоршами, а купила три флакончика своих капель, пару баночек Компливита и, расплатившись по льготной карточке, вышла из аптеки. На улице по-прежнему царила зима.

Галина Фёдоровна осторожно спустилась с крыльца, пошла потихонечку протоптанной тропинкой через двор и вдруг почувствовало себя плохо. Сердце, словно бы обо что-то споткнувшись, учащённо застучало в груди, застучало, отзываясь в висках тяжёлым гулом, и стало очень трудно дышать.

От неожиданности она даже остановилась, машинально схватившись за грудь.

Такое с ней случалось и раньше, и даже довольно часто, но приступы всегда настигали дома, в родных стенах, где всё было привычно и не так уж и страшно. Где под рукой была её неизменная маленькая рюмочка, её неизменный пузырёк с сердечными каплями. А тут вдруг случилось среди улицы, как бы на полпути и от дома, и от аптеки.

Сначала Галина Фёдоровна постояла в надежде, что боль, внезапно начавшись, так же внезапно и прекратится, мысленно и твёрдо приказав себе быть спокойной, не поддаваться панике. На какие-то доли секунды ей, и правда, показалось, что дышать стало чуть легче, но именно показалось и именно только на доли секунды. Потому что потом стало совсем нехорошо, и Галина Фёдоровна поняла, что надо поскорее добираться домой. Она пошла по тротуару, стараясь идти ближе к многоэтажкам,

чтобы в случае чего опереться о стену дома и перевести дыхание. Постоять немножко, усмиряя слишком разбушевавшееся сердце.

Она шла осторожно и медленно, стараясь контролировать каждый свой шаг, каждое движение, опасаясь больше всего одного – лишь бы не упасть. Перспектива оказаться валяющейся на дороге, среди спешащих по своим делам горожан... Да Боже упаси! Сочтут ещё, чего доброго, за пьянчужку и не только сами пройдут мимо, но ещё и другого, более сердобольного прохожего приостановят – оно, мол, вам надо – с кем попало?

Позёмка по-прежнему закручивала свои снеговые спиральки, будто заигрывая с прохожими. Порывы ветра то подхватывали снежный дым с тротуаров, швыряя их, подобно снежкам, в лица прохожих, то разносил белым шлейфом по улице. Но иногда ветерок ослабевал, и тогда уже не спиральки, а снежные змейки стелились по дорожкам, слизывая, словно языком, следы от чьих-то недавно пробежавших здесь ботинок и сапожек.

А возле самого подъезда, когда до желанного крыльца оставались какие-то считанные шаги, случилось и вовсе неприятное – Галина Фёдоровна даже не поняла, как это произошло. Просто левая нога её вдруг поехала куда-то в сторону, поскользнувшись на присыпанном снежком льду. Саму её тоже резко потянуло назад, и, если бы не чьи-то сильные руки, подхватившие на лету падающее тело, она, конечно, не удержалась бы, со всего размаха растянувшись на скользкой дорожке.

– Ах, Боже мой! – только и смогла выдохнуть от испуга Галина Фёдоровна и оглянулась назад.

Перед ней стоял и участливо смотрел на неё тот самый импозантный немолодой мужчина, который всегда при встрече в подъезде вежливо здоровался с ней.

– Вы не ушиблись? – спросил он испуганно. И столько в его голосе было неподдельной тревоги, что Галина Фёдоровна засмузилась, забормотала что-то не совсем членораздельное и заторопилась в подъезд.

Правда, спаситель её и здесь оказался джентльменом, довольно ловко распахнув перед ней входную дверь. Проявил он себя, как настоящий мужчина и у лифта, дав Галине Фёдоровне возможность первой зайти в кабину.

– Вам ведь на четвёртый? – скорее уточнил, чем спросил он, приятно улыбаясь, и, аккуратно закрыв за собой дверь, нажал на какую-то кнопку на щитке.

– Да, спасибо, – тоже скорее выдохнула, чем ответила Галина Фёдоровна, чувствуя, как лифт дёрнулся под ногами и медленно поплыл вверх. И вместе с лифтом дёрнулось и забесилось как сумасшедшее опять её сердце, готовое вот-вот выскочить из грудной клетки. И стало совсем трудно дышать.

Наверное, на её лице что-то отразилось, может быть, оно побледнело, как бледнело всегда в такие неприятные моменты, потому что мужчина вдруг испугался:

– Вам плохо? – кинулся он растерянно к Галине Фёдоровне, чем, в свою очередь, смутил окончательно и её.

– Нет, нет, ничего, ничего, – прошептала она.

И потянула за шарф, пытаясь освободить горло, чтобы стало легче дышать. Расстегнула и пуговицу на воротнике пальто.

Но воздуха по-прежнему не хватало.

Остальное Галина Фёдоровна помнила уже как в тумане: как доставала из сумки ключ, как спаситель её открывал дверь, как он помог ей раздеться и лечь на диван, как вызвал «скорую» и те чуть ли не мгновенно примчались – две приятные женщины и довольно солидный мужчина, которые тут же засуетились возле неё. Ей сняли электрокардиограмму, понакололи кучу всяких уколов. А потом Галина Фёдоровна видела, как солидный доктор о чём-то серьёзным говорил с её нечаянным спасителем и тот понимающе что-то кивал в ответ на его слова и тоже, в свою очередь, о чём-то внимательно его расспрашивал.

Боль потихоньку отходила, выравнивался и ритм сердца, оно билось уже почти спокойно, и Галина Фёдоровна закрыла глаза, слушая эту почти забытую тишину в груди.

Вернее, сердце совершенно не было слышно, и дышалось тоже ровно и свободно, что было приятно. Галина Фёдоровна решила, что полежит ещё парочку минут или хотя бы минутку, вот так вот, тихо наслаждаясь... И незаметно для себя заснула.

Ей показалось, что она спала долго. Точнее, поначалу Галина Фёдоровна не сразу и поняла, что заснула, можно сказать, совсем ничего не поняла – где она, почему вдруг лежит на диване, укрытая пледом, и, главное, почему и откуда здесь мужчина, который сидел на кресле возле журнального столика и спокойно читал газету. А когда всё вспомнила, всё поняла, жутко застеснялась – Господи, среди белого дня, да ещё при постороннем человеке... И рванулась, чтобы встать с постели.

– Лежите, лежите, вам пока нельзя вставать, – всполошился сразу, вскочив с кресла, и её спаситель. Будто только и ждал этого момента, будто караулил.

Лежать при чужом человеке было неудобно и даже стыдно, но мужчина смотрел на неё с такой тревогой, что Галина Фёдоровна смутилась окончательно:

– Ой, да неудобно как-то. Выуж меня простите, столько я вам хлопот доставила.

– Да о чём выговорите, какие хлопоты. Главное, вы выздоравливайте, не бойтесь больше.

– Ну как не хлопоты, вон сколько времени потратили на меня. А вас, наверное, уже заждались дома, переживают уже, что так долго.

– Да не беспокойтесь, Васька у меня привык дома один быть.

– А Вася – это кто? Ваш сын, внук?

– Да нет, – рассмеялся мужчина. – Не внук и не сын, это мой кот.

– Кот? – удивлённо переспросила Галина Фёдоровна.

– Да, у меня знаете какой мудрёный кот? У, я вас с ним как-нибудь познакомлю, сами убедитесь.

И вдруг улыбнулся так широко, так доверчиво и открыто, как могут улыбаться только хорошие люди.

Оказалось, что у Николая Ивановича, как представился, наконец, Галине Фёдоровне её спаситель, и дети, и внуки живут совсем в другом городе. Зовут к себе, переживая, что он здесь совсем один...

– Но, знаете, как-то трудновато в таком возрасте что-то менять. Тут вот переехал из квартиры в квартиру – и то сложно привыкать...

10 лет —

Татьяна Князева

в журнале с девятого номера

10 номеров

ЕСЛИ БЫ БЫЛО МОРЕ...

Антонина проснулась от звенящей тишины. В первые секунды не могла сообразить — какой же день сегодня. «Ой, выходной», — вспомнила она и машинально глянула на часы — восемь утра. Её обдало жаром. Юлька! Почему она молчит? Антонина метнулась к детской кровати. Её десятилетняя дочка лежала неподвижно и смотрела мутными глазками. Антонина положила ладонь на её лоб. Он был огненным.

— Вася, Вася, вставай, Юлька заболела, поезжай скорее за врачом, — растолкала она спящего мужа.

Сама взяла девочку на руки и беспокойно заходила по комнате. Её чёрные волосы с траурным отливом металась по спине, предвещая беду.

— Детка сладкая моя, что с тобой случилось? Проспали, все проспали, не уберегли, — причитала Антонина.

От её тревожного голоса проснулись старшие дети. Первой в родительскую спальню прибежала одиннадцатилетняя Лена — босая, в длинной ситцевой рубашке, с растрёпанной после сна косой. Она испуганными васильковыми глазами смотрела то на мать, то на сестренку и чувствовала себя виноватой. Это они вчера вечером с подружкой Катей долго играли с малышкой — сами садились на пол, а Юлька с радостным визгом топала между ними. Они ловили её, тискали, целовали в пухлые щёчки. Вообще-то Юлька была спокойная, но когда девчонки приходили из школы, она поднимала такой крик, что приходилось брать её из кровати. Ну а если Юлька спала, они сами приставали к бабушке:

— Да, вы правы, обживаться на новом месте в нашем возрасте не так просто.

А потом Николай Иванович поил её чаем с пирожками, за которыми, как он выразился, сбежал к себе домой.

Пирожки были с капустой, жёлтенькие, как цыплята, и необыкновенно вкусные. И Галина Фёдоровна не удержалась от похвалы:

— Да вы просто кулинар, Николай Иванович!

— Да? Вам понравилось? — искренне обрадовался похвале тот. — Ну, я рад, очень рад. Могу поделиться рецептом, если пожелаете.

— Ну, а почему бы и нет? Я хоть и никудышная хозяйка, но всё же пирожки печь тоже умею, — пококетничала Галина Фёдоровна, неожиданно вдруг обнаружив за собой такое качество.

А зимний день потихонечку истончал себя, плавно переплывал в зимний вечер, за окном темнело, темнело и в комнате.

— Ну ладно, я смотрю, вам стало полегче, пора и мне честь знать, — собирался домой Николай Иванович.

И Галина Фёдоровна, засмутившись, что лежит, опять сделала попытку подняться:

— Я провожу вас...

Но гость опять решительно остановил её:

— Нет, нет, не надо меня провожать, я сам дверь закрою, не беспокойтесь. Доктора наказали покой и только покой, а докторов надо слушаться. Так что слушайтесь, я за вас поручился. А завтра непременно загляну, проверю, послушная вы или нет.

— Хорошо, хорошо, — заулыбалась в ответ Галина Фёдоровна. — Буду вас ждать.

Она послушала, как в прихожке, тихо скрипнула входная дверь, как щелкнул, закрываясь, замок, и, продолжая улыбаться, откинулась на подушку.

В доме напротив во многих окнах уже светились огни. Жёлтые прямоугольные в густой синеве зимней ночи смотрелись так тепло и уютно, что у Галины Фёдоровны вдруг опять защемило сердце.

Она лежала в тишине своей квартиры, смотрела в тёмное окно дома напротив и думала о том, что огромная эта многоэтажка напоминает ей сейчас собой, вернее, своими светящимися окнами пчелиные соты или ячейки. И в каждой такой ячейке, за каждым окном живет чья-то душа... И, может, вот в эту самую минуту кому-то очень грустно и одиноко, а то и совсем-совсем плохо. Окна ведь только со стороны выглядят все одинаково. Светятся по-домашнему тепло и уютно, и, кажется, там живут только счастливые люди. Но сколько окон, столько и человеческих судеб, разных жизненных историй и не всегда, к сожалению, счастливых.

И ещё думала, что это очень плохо, что люди теперь мало общаются друг с другом, плохо, что позабывались все, как пчёлки, в свои квартиры, спрятались каждый в свою ячейку, тая от близкого и одиночества своё, и тоску, и боль, стесняясь быть кому-то навязчивыми. И, главное, забывая о том, что рядом, может быть, даже за стеной, живёт точно такое же одиночество, точно такая же тоска и боль. И стоит лишь протянуть руку, постучать в соседнюю дверь, и тогда в мире на двух счастливых людей, возможно, станет больше.

– Ба, а когда Юлька проснется?

– Что она вам нужна-то, дайте девке поспать. Всё бы вам, дурочкам здоровенным, баловаться, – беззлобно ворчала она.

Когда Юлька родилась, Лена не подходила к ней, ревновала и тайком плакала от жгучей обиды на родителей. «Зачем она им нужна, ведь есть же мы с братом», – жаловалась она Катюхе.

Но Юлька росла такой ласковой и улыбочивой, что Ленка быстро забыла все свои обиды и полюбила её всем сердцем.

Вслед за Ленкой пришел старший брат Серёга в трусах и майке. Его крепкие мускулистые ноги были в многочисленных кровоподтёках, потому что он любил играть в футбол. В сторонке стояла свекровь, горестно прижав концы белого платка к беззубому рту. Все напряжённо молчали, не зная, что делать и чем помочь.

Вскоре приехал Василий с врачом. Мира Борисовна – пожилая седая еврейка – была опытным педиатром. Она долго осматривала Юльку – слушала, измеряла температуру, похоже на пневмонию, но почему такие слабые ручки и ножки? Наверное, от высокой температуры – решила она. Назначила лечение и ушла.

В доме наступила гнетущая тишина. Антонина, окаменев, сидела у детской кроватки, надеясь, что лекарства помогут и температура спадёт, но напрасно, дочка слабела на глазах. К вечеру Мира Борисовна пришла снова. Посмотрев, что улучшения нет, коротко, признавшись в своей беспомощности, сказала:

– Везите в область, направление дам.

Ленка видела, как отец, провожая врачиху, сунул в карман её потёртого пальто деньги. Он сделал это так поспешно и неловко, что Ленкино сердце тоскливо сжалось.

Рано утром Василий на казённой машине отвез Антонину с дочкой в областной центр. Там врачи сразу поставили диагноз – полиомиелит – острое инфекционное заболевание, и сразу же сказали про последствия – паралич верхних и нижних конечностей, так как вирус поражает серое вещество спинного мозга. Врач подробно объяснял про болезнь, говорил, что при хорошем уходе и санаторном лечении возможно частичное выздоровление, но Антонина поняла только одно – паралич.

Это страшное слово стучало, звенело, перекатывалось в её голове. В больнице её с дочкой не оставили, нельзя – инфекционное отделение. Каждый день Антонина с Василием ездили в больницу и, прильнув к окну, смотрели на свою детку, одиноко лежащую в большой серой палате, слабо освещённой тусклой лампочкой.

Возвращаясь в притихшую квартиру, Антонина горько и безутешно плакала, а Василий курил одну папироску за другой. Были у него к этому горю ещё и свои тревожные мысли. На работу зачастили с проверками, придирчиво рылись в документах. Василий знал, что это неспроста, догадывался, кто его подсиживал. «Уходится надо», – думал он. Но не успел. Поздним ненастным вечером к дому подъехал «чёрный ворон». Василий собрал кое-какие вещички, попрощался со всеми и быстро вышел из комнаты в сопровождении строгих милиционеров.

Из больницы Антонина забирала Юльку одна, не в просторную трёхкомнатную квартиру, а в маленькую комнатку.

Суда ждали долго. И дождались – двадцать пять лет тюремного заключения. Судили сразу нескольких человек, и, когда зачитывали приговор, в зале стоял протяжный вой. Антонина крепко прижимала к себе Юльку, и это спасло её от обморока. Старшие дети стояли в коридоре. Отца увидели, когда его в наручниках конвоиры вели мимо них. Они не сразу узнали в постаревшем униженном человеке своего красивого отца. Он посмотрел на своих осиротевших детей виновато и жалко. Ленка с братом не заплакали – они поняли, что с отцом случилась беда. Непоправимая и страшная. Поняли и от этого сразу и бесповоротно повзрослели.

Вот таким тяжёлым оказался пятидесятый год для их семьи.

Антонина, прожив всю свою замужнюю жизнь беззаботно и счастливо, горячо любя мужа и полагаясь на него во всём, оказалась совершенно беспомощной и растерянной. Оставшись одна с тремя детьми и старой свекровью, она не знала, что делать, куда пойти работать. Хорошо, что помогла Мира Борисовна – устроила на почту, а вечерами пришлось мыть полы в той самой конторе, где ещё совсем недавно её муж был начальником. Приходила уставшая поздно вечером в маленькую, пропитанную чужими запахами комнатку, где с трудом помещались кровать – на ней спали они с Ленкой, детская кроватка для Юли и старинный сундук, на котором спала свекровь. Больше спальных мест не было. Сын спал на полу, подстелив отцовский овчинный полушубок. Но что было хорошо в этой комнате, так это печка, правильно сложенная и долго державшая тепло. Антонина быстро съедала ужин, приготовленный свекровью, а потом садилась за швейную машинку, перешивала из своих вещей платьица для девочек, а из Васиных – для сына. Антонина ложилась позже всех и сразу засыпала. Сон был коротким, но сладким – ей снился муж. Его жадные губы горячо и бесстыдно целовали её, она чувствовала его тяжелое тело и хотела его каждой клеточкой. Антонина просыпалась от своего еле слышного стога, с блаженной улыбкой

на губах. Но через секунды всё исчезало. Она возвращалась в реальную жизнь – скидывала с себя долговязые Ленкины руки и ноги, укрывала её одеялом и не могла заснуть до утра. Она лежала, истекая слезами, и повторяя одно и то же – за что, за что ей такое наказание? Где взять силы, чтобы всё это пережить и поднять детей? Антонина вставала с тяжёлой больной головой и садилась писать письма мужу на далёкую заснеженную станцию со странным названием – Яя. Потом подходила к Юлькиной кровати и долго смотрела на дочку. Она не была похожа на старших детей, те были русые и голубоглазые – в отца, а Юлька чёрная – в мать. Из всей родни только у них пробился этот ген. Наверное, Золотая Орда, прокатившись в тринадцатом веке по русской породе, оставила свой след.

Антонина смотрела и не верила, что её девочка так тяжело и неизлечимо больна. Ей казалось – вот проснётся её ненаглядная, любимая дочка, и всё пройдёт. Юлька действительно просыпалась и смотрела на мать смыслёнными глазками, как будто всё понимала. Антонина брала её на руки, тихонько укачивала снова и понемногу успокаивалась сама. Она ни разу не пожалела, что родила её.

Мира Борисовна часто навещала их, сама приходила, без вызова. Она делала Юльке массаж и повторяла одно и то же:

– Тонь, хорошо бы её на курорт отправить, на море.

Хорошо бы, но где деньги взять? Антонина старалась подрабатывать, где только можно. Уставала сильно, и постепенно ей перестал сниться тот откровенный бесстыжий сон, она всё реже стала отвечать на письма мужа, а от её когда-то статной и весёлой фигуры повеяло нуждой и вдовством.

Шло время. Юлька начала понемножку ходить – переваливаясь, как уточка, косолапя, падая, с трудом поднимаясь. В садик её не взяли, сказали – за таким ребёнком следить некому, и отвечать за неё никто не будет. Так и растила её бабушка до самой школы. Антонина начала заранее готовиться к первому сентября – из трофейного, добротного материала, привезённого мужем еще с войны, сшила школьную форму, купила удобные белые ботиночки. Антонина отпросилась с работы. Ей хотелось самой одеть и проводить Юльку в школу.

– Красавица ты моя, куколка, – приговаривала она, расчёсывая её чёрные кудряшки и завязывая белые бантики.

Сама решила тоже принарядиться – достала из сундука платье из тяжёлого тёмно-вишнёвого бархата, надела фильдеперсовые чулки, лакированные туфли. Потом собрала волосы в высокий пучок, подушилась духами «Красная Москва». Подошла к зеркалу – на неё глянула молодая красивая женщина из той далёкой, почти забытой, счастливой жизни. Сердце её с робкой надеждой всколыхнулось:

– Может быть, всё у нас наладится. Говорят, амнистия скоро, придёт Вася, повезём Юлечку к морю, на тёплый песочек, поправится там, – легко подумала она.

В таком приподнятом настроении, с букетом бардовых георгин, в аромате «Красной Москвы» – Антонина и Юльку надушила – они отправились в школу. Но недолго пришлось радоваться Антонине. В школьном дворе собралось много народу. Все, как по команде, повернули головы и уставились на них: взрослые – с откровенным любопытством, дети – со смехом, показывая пальцами и передразнивая Юлькину походку. Антонина замерла. Впервые за годы болезни дочери она увидела её со стороны,

глазами чужих людей. Увидела бездонную, леденящую душу пропасть, навсегда отделившую её дочь от здоровых людей. Антонина стояла с меловым лицом, закусив губы, стараясь не расплакаться. Она хотела только одного – схватить в охапку свою девочку, убежать с ней далеко-далеко, спрятать от любопытных глаз. Один человек из всей толпы понял её состояние – Юлькина учительница Анна Афанасьевна. Она подошла к ней, положила руку на плечо и просто сказала:

– Тоня, не переживайте так, всё будет хорошо, я ей помогу.

Вернулась Антонина из школы с навсегда почерневшим сердцем, сняла наряды и бросила их на дно сундука.

А Юлька ничего не замечала, она быстро освоилась в школе, да и ребята к ней привыкли. Анна Афанасьевна посадила её за одну парту с добродушной толстушкой Верочкой. Они подружились сразу. Вера была крепкая, надёжная. Она провожала Юльку до дома, несла портфель и зорко следила, чтобы её никто не обижал. Если что, могла портфелем и по спине стукнуть. Бабушка кормила их обедом. Аппетит у Верочки был хороший. После обеда они быстро делали уроки, а потом шли гулять во двор. Там стояла неведомо откуда взявшаяся кабина от военной «эмки». Они усаживались на старые рваные сиденья и начинали мечтать о взрослой жизни:

– Вот вырастем и поедем с тобой к морю, ты там сразу поправишься, – уверенно говорила Верочка.

И Юлька ей верила. Верила, как никому другому.

К разговорам о море прибавились еще какие-то странные разговоры про вольное поселение. Юлька не понимала, что это такое, но ей очень нравились эти слова – вольное поселение. Мать с бабушкой говорили, что там теперь живет её отец. Юлька была уверена, что там было море. Ей хотелось к отцу. И еще мама с бабушкой говорили, что отец скоро придёт. Юлька, лёжа в постели рядом с матерью – Ленка с братом поступили в институт и жили теперь в большом городе в общежитии, – часто думала о том, как же отец дойдёт до них пешком и как долго ему придётся идти. Но он пришёл. Юлька была дома одна, когда на пороге появился незнакомый высокий мужчина в длинном плаще с чёрным фибровым чемоданом. Несколько секунд они напряжённо смотрели друг на друга. Отец первый сделал шаг навстречу своей незнакомой дочери, обнял её и прижал к себе. Она почувствовала, как вздрагивают его плечи. Юлька поняла, что он плачет. Ей стало жутко жалко отца, и она заплакала вместе с ним.

Да, Василий плакал – он не ожидал увидеть свою десятилетнюю дочь такой больной.

Стараясь как-то скрыть слёзы, стал торопливо открывать чемодан, доставая из него гостинцы. Юльке понравился отец и гостинцы понравились.

Вскоре пришла Антонина. Юлька думала, что мать обрадуется, кинется к отцу на шею, поцелует. Но она поздоровалась с ним как с чужим человеком. Юлька испугалась: а вдруг отец обидится и опять уйдет на своё вольное поселение?

Она не хотела этого, она сразу полюбила его. Но отец никуда не ушёл. Он устроился на работу и хотел поскорее построить хоть какой-нибудь

домик. Жить им всем стало легче, Антонина перестала мыть полы по вечерам, но ночью, лёжа рядом с мужем в постели, когда-то таким любимым и желанным, Антонина поражалась своему безразличию и холоду. Он это чувствовал, но не мог и не хотел преодолеть это отчуждение, потому что сам постоянно думал о другой женщине – о медсестре Леле, с которой жил на вольном поселении. Он обещал ей, что вернётся. Она писала ему письма. Антонина как-то нашла одно, оно выпало из кармана пиджака. Она не удержалась и прочитала. Прочитала и поразились тому, как та далекая женщина любила её мужа, как она его ждала, как звала к себе. Вечером того же дня Юлька подслушала разговор между родителями:

– Вася, что же ты так мучиться будешь, поезжай к ней, мы с тобой прошлого не вернём, а будущего у нас нет, – тихо и обречённо говорила мать.

– Ну, что ты, Тося, ты отвыкла от меня, устала, всё у нас наладится, – утешал её отец, но знал, что она права.

Уехать он не мог. Как оставить Юльку, старую мать, жену? Острая жалость ко всем ним затмила всё остальное. Больше Антонина никаких писем не находила, но Василий стал попивать.

Через год, как пришёл отец, они смогли переселиться в свой домик, слепленный из плохоньких бревен, но попросторней, чем их убогая комнатка. Мать с отцом стали спать порознь. Антонина иногда приходила к мужу, молча ложилась рядом, а он привычно и обыденно выполнял свой супружеский долг. Прожив в новом доме всего месяц, умерла бабушка. Умерла тихо – просто не проснулась утром. Это была первая Юлькина потеря. Она стояла перед гробом, оклеенным дешёвыми обоями, смотрела на худенькое заострившееся личико бабушки, на сложенные крестом на груди руки и не могла постичь своим детским умом, как могло случиться, что её тёплая и живая бабушка превратилась в окаменевший фарфоровый кокон. Юльку не хотели брать на кладбище, но она уговорила мать. Ей хотелось проводить бабушку до конца и, может быть, там увидеть тайную черту, отделяющую живых от мёртвых. Но она ничего не увидела и ничего не поняла, а только разревелась со всеми вместе под гулкие удары тяжёлой земли по крышке гроба, навсегда заколоченной длинными гвоздями. Вскоре после этого от скоротечного рака умерла Верочкина мать. Эти потери ещё больше сблизили девчонок.

Каждое лето Верочка упорно учила Юльку плавать, но безуспешно.

– Не переживай, в речке вода не такая, вот в море поплывёшь обязательно, – утешала она её.

Они выросли. Юлька училась легко, была весёлой, общительной и болезни своей не замечала. Но неожиданно прозвенел первый звончок – на Восьмое марта мальчишки подарили всем девчонкам кулоны, а Юльке – маленькие шахматы. Она любила шахматы. Но сейчас, глядя на них сквозь пелену слёз, она ненавидела все гамбиты, цейтноты, паты и маты вместе взятые. Юлька хотела кулон. Дешёвый и пошлый, он казался ей драгоценным. Она завидовала своим одноклассникам чёрной завистью.

Верочка не могла смотреть на несчастную Юльку и, когда они шли из школы, закинула свой кулон в рыхлый мартовский сугроб.

– Подарили барахло какое-то. Не обращай внимания на этих придурков, всё равно ты самая красивая в нашем классе. Вот поедем на море,

найдем себе нормальных ребят, – утешала она подругу. Но несколько раз всё-таки тоскливо оглянулась на сугроб.

С тех пор Юлька не любила этот женский праздник. К шестнадцати годам Верочка, окончательно повзрослев и сформировавшись, смело окунулась в большой секс. Она очень легко и просто перешла по тонкому мостику из беззаботного девичества в опасную женскую жизнь. Верочка не была красавицей, но в ней было что-то такое, что стоило дороже красоты. Может быть, фигура – статная, с большой тёплой грудью, тонкой талией и крутыми бёдрами. Когда она шла, игриво покачивая ими, все мужчины оглядывались на нее. Но шалавой она не была. Какое-то неведомо откуда так рано пробившееся женское чутьё подсказывало ей выбор – солидные и не бедные мужчины. На свидания она ходила в субботу и в воскресенье, а в понедельник делилась с Юлькой впечатлениями:

– Юлька, любить – это как в тёплом море купаться, понимаешь? – объясняла она подруге, не пропуская подробностей. Глаза её в этот момент влажно блестели, а дыхание учащалось. Это была её стихия. Юлька слушала, удивленно вскидывая котиковые брови, кивала с умным видом, но ничего не понимала.

К концу десятого класса Юлька тоже повзрослела и стала настоящей красавицей. У неё были черные волнистые волосы, зелёные глаза, на дне которых тихо плескалась затаённая печаль. За ней сильно ухаживал одноклассник Костик – высокий, худой, бедно одетый и к тому же беспросветный троечник. Кроме истории и астрономии – тут ему равных не было. Он рассказывал про звёзды, планеты и города так интересно, что Юлька не замечала его стоптанных ботинок и пиджачка с короткими рукавами. Вечерами, когда Ве-

рочка уходила на свидание, они с Костиком сидели во дворе на лавочке под цветущей сиренью. Незаметно за разговорами Костик стал неумело целовать Юльку. Ей это не понравилось, но она его не оттолкнула и даже согласилась пойти к нему, когда никого не было дома. Там и случилось ЭТО. И ЭТО было ужасно. Юлька, наслушавшись Верочкиных рассказов, ожидавшая райского блаженства, лежала, заледенев душой и телом, крепко зажмурив глаза, думая только об одном – когда же кончится этот кошмар. Боль, обида, неловкость – всё смешалось в один горький комок. Но она выдержала эту пытку, ругая себя за благотворительный акт и злясь на Верочку. «Наврала, придумала всё», – с досадой думала она. И тут же резко полоснуло: «Может быть, и здесь у меня всё не так, как у нормальных людей?»

На другой день не надо было идти в школу – подготовка к экзамену. Юлька лежала с книжкой на кровати. Пришёл Костик, принес ветку сирени, тихо и виновато сел на краешек постели:

– Ну, ты как? – спросил он, стараясь заглянуть ей в глаза.

– Всё хорошо, Костик, всё было хорошо, – поспешно ответила она. – А теперь уходи, мне надо к экзамену готовиться.

К вечеру прибежала Верочка, завалилась рядом на кровать и начала рассказывать про своё вчерашнее свидание.

– А у меня тоже свидание было с Костиком, – выпалила Юлька.

– Да ты что, Юль, правда? Ой, я так рада за тебя, ну рассказывай.

И Юля начала рассказывать, вспоминая всё – Эмиля Золя, Верочкины откровения, свои фантазии. Получилось впечатлительно. У Верочки даже участился пульс и сладко заныло внизу живота.

– Ну, выи молодцы, а на Костика не подумаешь, надо же какой опытный, – с откровенной завистью и уважительностью сказала Вера.

Вот так Юлька защитила себя и Костика, оказавшихся без вины виноватыми.

Экзамены все сдали хорошо, даже он. Надо было определяться дальше. Девчонки решили поступать в медицинский институт. Костик спрашивал у Юльки, когда они по вечерам сидели на лавочке:

– Юль, меня брат в Москву зовет, поможет на работу устроиться, учиться заочно буду. Ты как думаешь, поехать мне? – заглядывал ей в глаза, надеялся, что скажет:

– Не уезжай, Костик.

Но она говорила совсем наоборот:

– Поезжай, Костик, не сомневайся, матери поможешь, а я тебе буду письма писать.

Простилась она с ним без сожаления и обиды. Даже легче стало без свидетеля и соучастника её первого опыта. Но после этого случая в Юлькиных глазах появилась какая-то затаённая печаль.

Перед началом учёбы в институте Василий сказал:

– Тось, давай девчонок отправим на море, пусть Юлечка окрепнет.

Она согласилась и стала собирать их в дорогу. Антонина всегда любила Верочку, ну а после того, как у неё умерла мать и ей пришлось жить с пьяницей тёткой, ещё больше жалела её. Антонина знала, что Верочка надёжная и преданная, и поэтому со спокойной душой проводила их отдыхать. Выбрали маленький городок с песчаным пляжем. Квартиру нашли быстро и близко от моря. Не разбирая вещей из ново-

го дерматинового чемодана, они направились к долгожданному морю. Восхищение, изумление, восторг – всё смешалось в их душах при виде этого чуда.

– Ура! Раздеваемся! – закричала Верочка.

Юлька, осторожно ступая, вцепившись мёртвой хваткой в Верочку, стала медленно входить в теплое и ласковое море, сначала по щиколотку, потом по пояс, потом, осмелев, окунулась с головой.

– Плыви, не бойся, я тебя держу, – кричала над ухом Верочка.

Юлька, захлёбываясь, начала беспорядочно молотить руками и ногами и не заметила, как Вера отпустила её. И она поплыла. Неведомо каким способом, но поплыла. Тело стало лёгким и послушным. Напряжение, постоянное физическое и моральное напряжение, исчезло, но она очень быстро устала, и Верочка подхватила её на руки.

В первый же день Верочка нашла себе кавалера. Звали его Гришей, на вид ему было лет двадцать пять. Он прилетел с Севера, был щедрым и добрым. Верочку он просто обожал. На пляж ходили днём и поздно вечером. Вечером можно было купаться голыми. Голыми купаться было ещё приятнее – море обтекало со всех сторон и, казалось, проникало во все клеточки и складочки тела, разглаживая их и успокаивая. Гриша не плавал – он сидел на песке и пил свой любимый портвейн «Кавказ».

Время пролетало быстро. Юлька действительно окрепла и хорошо загорела. Как-то вечером Гриша пригласил их в открытый ресторан на берегу моря. Они выбрали столик близко к эстраде. Юлька села так, чтобы было видно море. Понемногу стала собираться разношёрстная публика.

Рядом с ними за столиком уселась шумная компания – трое парней и одна девушка, видно было, что они местные.

Один из ребят, сидящий напротив Юльки, зорким взглядом охотника стал рассматривать отдыхающих. Неожиданно глаза их встретились. Всё в ней – дыхание, мысли, сердце – на какие-то доли секунды замерли. Парень окинул её с головы до ног цепким оценивающим взглядом. – Такая красotka, а туфли дешёвые, – промелькнуло у него в голове, но он тут же забыл об этом. Заиграла музыка.

– Юль, ты не будешь скучать, мы с Гришей потанцуем? – спросила Вера.

– Нет, не буду, танцуйте, сколько хотите, – торопливо ответила она.

Не успели они отойти, как к Юльке уверенной походкой подошел тот охотник:

– Потанцуем? – он ласково улыбнулся и протянул руку.

– Я не танцую, спасибо – поблуднев, ответила она. Парень был поражен отказом, он видел, что нравится ей. – Цену набивает, – подумал он, и дерзкий кураж загорелся в его глазах. Он пригласил девочку, с которой пришёл. Они танцевали перед Юлькой. Она видела, как парень крепко прижимал девочку к себе, как его умелые нахальные руки скользили по её спине и бедрам. Девочка была стройная и загорелая, с крашеными белыми волосами и горячими карими глазами. Ей нравился этот красивый сильный парень, она просто таяла в его руках. Но смотрел он на Юльку. Смотрел и не мог понять, почему игра, такая привычная, с простыми правилами, вечная игра между женщиной и женщиной, сейчас не шла. Это задевало его мужское самолюбие.

Музыка кончилась, он проводил девушку на место и подсел к Юльке.

– Меня Аркадий зовут, хочешь мороженое? – снова улыбаясь, спросил он.

– Хочу, – Юлька улыбнулась ему в ответ.

Через мгновение перед ними стояли мороженое, вино, какая-то закуска. Аркадий был местный, и его знали все официантки. Он налил вино. Громко заиграла музыка. Аркадий, чтобы Юлька его лучше слышала, наклонился к ней так близко, что его губы касались её черных завитков над ухом, и от его горячего дыхания у Юльки разбежались сладкие мурашки – от затылка до поясницы. Его пальцы нервно касались Юлькиных ладоней, прожигая их. Казалось, через эти сладкие раны его беспокойная кровь проникала в неё. Застигнутая врасплох, Юлька в первые минуты испугалась и напряглась. Но постепенно её охватило какое-то весёлое предчувствие счастья. Её женская плоть, разливаясь горячей волной по всему телу, затопила стыд, страх и разум. Она смотрела на него смело и откровенно, как опытная женщина, дразня зелёным блеском глаз. Аркадий забыл про игру, забыл обо всём на свете. Он не замечал, как злилась и нервничала его девочка. В другое время она просто схватила бы его за руку и увела, но сейчас что-то останавливало её – таким она его никогда не видела. Жгучая ревность сжимала ей горло. Он не видел, как друзья с любопытством наблюдали за ними. Гриша с Верочкой вообще присели за другой столик, чтобы не мешать. Юлька тоже видела только его и море. Море было пропитано лунным светом, и над ним пронзительно тонко мерцали ранние звезды.

– Я закажу для тебя живую музыку, хочешь? – спросил он, заглядывая ей в глаза.

– Да, – отозвалась она из какого-то сладкого тумана.

Аркадий подошёл к женщине неопределённого возраста со следами былой красоты на усталом прокуренном лице и что-то сказал ей. Она взяла в сухие, как пергамент, руки красивый немецкий аккордеон, и зазвучала мелодия, медленная и нежная. Аркадий вернулся к Юльке весёлый и взволнованный и подал ей руку. Она встала и сделала первый шаг. Сделала и очнулась. Она увидела его испуганное растерянное лицо, увидела, как к ней рванулась Верочка, как замерли девчонка и ребята за соседним столиком. Аркадий обнял её и почувствовал, как напряглось её тело. Рубашка на его спине взмокла. Они топтались на одном месте. Аркадий смотрел вниз и видел её ноги в детских сандаликах с розовыми покрашенными ноготками. «Так вот почему», – подумал он. Ноги у Юльки дрожали, она боялась упасть. Она кинула умоляющий взгляд на аккордеонистку, и та всё поняла – не доиграв до конца мелодию, свернула аккордеон. Аркадий проводил Юльку на место, но с ней не остался. Он сел за свой столик. Юлька услышала, как его друзья сказали: «Ну, Аркашка, ты и попал», – и беззлобно засмеялись.

Он задохнулся от их смеха и резко встал. Так резко, что стул с грохотом опрокинулся, и быстро направился к выходу. Девчонка догнала его и схватила за руку. Он оттолкнул её и почти выбежал из ресторана.

Юлька сидела, стараясь не расплескать слёзы. Подошли Верочка с Гришей.

– Я хочу уйти, проводите меня домой, – выдавила она.

Юлька шла, и ей казалось, что все смотрят на неё, но никто не смотрел. Все были уже пьяные. Перед выходом она оглянулась. Одна аккордеонистка смотрела ей вслед, но сквозь папиросный дым невозможно было увидеть, что выражало её утомленное жизнью лицо.

Верочка понимала, что Юлька на грани срыва, и поэтому, когда пришли домой, сказала:

– Юль, я быстро, только провожу немного Гришу и вернусь, – пообещала она.

Но не могла Верочкина плоть так быстро оторваться от Гришки, и когда она через час вернулась домой, Юльки в комнате не было. Верочку окатило ледяным холодом. Не помня себя, она выбежала на темную пустынную улицу. Куда идти, где искать?

Ругая себя последними словами, она побежала к морю. Пляж был рядом. Она скинула туфли на высоких каблуках и босиком пошла по вязкому остывшему песку. Верочка не сразу заметила бесприютную Юлькину фигурку у самой воды. Юлька сидела и плакала, тяжело и безутешно. Слезы захлёстывали её лицо. Впервые она вплотную приблизилась к краю пропасти, отделившую её от здоровых людей. Приблизилась и не увидела даже тонкого мостика, по которому можно было бы переправиться к ним, к нему. Ей так хотелось этого сегодня. Она задыхалась от безысходности и отчаяния и от осознания того, что это жестокое незадуманное наказание останется с ней навсегда.

Верочка, тяжело дыша, подошла, села рядом на тихий песок и тоже заплакала. Так они сидели и плакали, а море гладило их ноги – крепкие Верочкины и слабые Юлькины, потихоньку унося в свои неведомые

глубины боль. От Верочки пахло чем-то тёплым, женским, и Юлька подумала: «Правду говорила Верочка, любовь – это как море».

А над морем вставало солнце.

– Юль, пора укладывать чемодан, скоро наш поезд, – сказала Вера.

Аркадий проснулся около полудня с непонятным чувством вины и потери. Голова гудела и раскалывалась от боли. Надо же так напиться! И вдруг он всё вспомнил. Вспомнил и сразу протрезвел. Сердце тосливо заметалось в груди.

– Боже мой, какой же идиот, трус, зачем ушёл? Это всё из-за ребят, – оправдывал он себя, торопливо одеваясь. Но он обязательно найдёт её. Найдёт, заглянет в её печальные зелёные глаза и попросит прощения. Он не знал за что, но попросит.

Аркадий ходил по городку весь день. Сначала на пляж, потом на рынок, заглядывал в магазины, а вечером пришел в тот самый ресторан:

– Не приходили? – спросил он у аккордеонистки, угощая ее портвейном.

– Нет, Аркадий, не приходили, – коротко ответила она.

Он вернулся домой и лёг спать. Ему приснился странный сон: на пустынном пляже сидела аккордеонистка и играла на своём красивом немецком аккордеоне, а он танцевал, кружась, с девушкой на руках. На ней было белое длинное платье, а на ногах детские сандалики. Они всё время соскакивали с её ног. Он сажал её на тёплый звенящий песок, целовал пальчики с розовыми покрашенными ноготками, обувал и снова кружил и кружил, а она счастливо смеялась, запрокинув голову.

Он искал её до тех пор, пока пронзительно и ясно не понял, что не найдёт никогда.

Игорю Василенкову 39 лет. Он живёт в городе Карпинске Свердловской области. Из-за тяжёлой болезни Игорь не учился в школе. Как пишет он сам: «Сначала у меня была азбука, потом бабушка привезла букварь моего двоюродного брата. А когда я решил, что есть что сказать людям, начал изучать учебники русского языка и стал читать классическую литературу. Вот и всё моё образование».

Игорь считает, что человек должен писать только тогда, когда не может не писать. Рассказ «Идеальная чистота», как нам кажется, очень соответствует этому принципу, показывая серьезные проблемы взаимоотношений между людьми.

10 лет —

Игорь Василенков

впервые с нами

10 номеров

ИДЕАЛЬНАЯ ЧИСТОТА

Хмурое зимнее утро. На столе тихонько тикают часы, показывающие четверть десятого. Рядом на кровати, тяжело дыша, лежит старый дед Фёдор с испещрённым глубокими морщинами лицом, с тусклыми, неживыми глазами. Он думает о своей подошедшей немощной старости и о том, как всё же нелепо устроено, что человеку приходится доживать жизнь так, как он.

Дед Фёдор живёт с сыном Анатолием, со снохой Екатериной и девятилетним внуком Алёшей. И хотя никто из близких никогда не сказал ни одного грубого слова, он всё сильнее и сильнее чувствует себя лишним, никому не нужным в семье. По вечерам и выходным, когда сын со снохой бывали дома, он всё реже стал выходить смотреть телевизор, чтобы не нарушать того устоявшегося склада жизни по другую сторону своей маленькой комнатки.

Очнувшись от этих невесёлых дум, дед Фёдор поглядел на часы и хотел было встать, готовить себе завтрак, но тут же вспомнил, что сегодня суббота и никто, должно быть, ещё не проснулся. Поэтому дед Фёдор повернулся на другой бок, укрылся лучше одеялом и закрыл глаза.

Старик думал, как бы было хорошо, если бы он умер. У внука бы появилась отдельная комната. Сноху перестала бы нервировать его медлительность. А там, глядишь, и взаимоотношения в семье улучшились бы.

Прошло ещё с полчаса. Дед Фёдор встал, подошёл к двери, приоткрыл её и выглянул в коридор.

Коридор был пуст. Только из-за двери ванной комнаты просачивался свет.

«Ага, Толя уже проснулся, — подумал дед Фёдор. — Значит, и мне можно вставать».

Ел дед Фёдор всегда в своей комнатке. Разогреть себе пищу он старался, когда на кухне никого не было. А после того, как он нечаянно разбил тарелку, ему страшно стало подходить к фарфоровой посуде.

В этот субботний день Анатолий с Екатериной, как обычно, занимались уборкой в квартире. Они со скрупулёзной тщательностью протирали мебель, стараясь не оставить ни единой полосочки, ни единого пятнышка на полировке. Затем с такой же остервеневшей оголтелостью они бросились пылесосить и мыть пол. Словно от этого зависело всё их существование.

Дед Фёдор с грустной усмешкой смотрел на сына и сноху и думал, что если бы он сейчас случайно попал кому-нибудь под руку, то его бы с такой же быстротой переставили или вообще выбросили, как отслуживший своё время инвентарь.

Когда день близился к концу и зимние, незаметно подошедшие сумерки уже сгущались, дед Фёдор сидел в кресле, смотрел по телевизору чемпионат мира по хоккею и маленькими глоточками пил горячий чай. Рядом сидел Анатолий, тоже смотрел телевизор и краешком глаза поглядывал на своего постаревшего отца.

Дед Фёдор так увлёкся хоккеем, что и не заметил, как его старческая уставшая рука, державшая кружку, мало-помалу стала опускаться на подлокотник кресла.

Анатолий не выдержал и, отчётливо произнося каждую букву, сказал:

— Осторожно, папа, полировку горячим испортишь.

Дед Фёдор встрепенулся, испуганно взглянул на Анатолия, поднялся с кресла и побрёл к себе в комнату.

Через некоторое время в комнату к деду Фёдору зашёл внук с ранцем в руке. Он бережнее, чем когда-либо, поставил ранец на стол, раскрыл и вытащил из него маленького, взъерошенного, трясущегося от холода котёнка. Мальчик поднёс котёнка ко рту и принялся своим горячим дыханием отогревать его замёрзшие лапки.

– Дед, а дед, – сказал он, – можно, котёнок у тебя поживёт?

– Ну что ж, пускай поживёт, – лёжа на кровати, слегка улыбувшись, ответил дед Фёдор. – Мне с ним будет веселее!

Внук обрадовался и, поглаживая указательным пальцем котёнка по головке, прошептал:

«Хороший котик, хороший!»

Потом Алёша сходил на кухню и принёс для котёнка селёдку. Но дед Фёдор сказал, что кошкам, особенно котяткам, солёного давать нельзя. Тогда Алёша снова пошёл на кухню и вернулся с блюдечком молока. И котёнок сразу же припал к молоку.

Вдруг дверь с шумом открылась, и в комнату влетела разгорячённая Екатерина. В её испуганных глазах лихорадочно мерцала вспышка злости. Она с ненавистью взглянула на котёнка, затем бросила взгляд на сына и закричала:

– Опять котёнка какого-то паршивого в дом приволок! – голос её сорвался, и она заверещала что было мочи. – Ты же обещал никого из живности в дом не носить!

– Мама, можно, котёнок побудет хотя бы до утра? – робко спросил Алёша. – На улице холодно, градусов около двадцати пяти. Котёнок может замёрзнуть.

– Нет!.. Нет!.. Нет!.. – истошно завопила Екатерина. – Ты не можешь без своих idiotских выходов! Вот уже несколько лет подряд я мечтаю хотя бы один день прожить спокойно, без нервов! Вы с папой доведёте меня когда-нибудь до гроба! Каждый день придумываете какие-то новые каверзы, чтобы нарочно меня позлить!!!

Сказав ещё что-то невпопад, Екатерина схватилась руками за голову и в истерике убежала жаловаться Анатолию на Алёшу.

Пять минут спустя перед Алёшей предстал отец. Он молча снял с себя ремень. Алёша безропотно обнажил своё мягкое место и лёг животом на табуретку.

– Папа, не бей меня! – взмолился он. – Я унесу куда-нибудь котёнка.

– Ладно, не буду, – согласился Анатолий. Но всё же он пару раз стегнул жгучим ремнём Алёшу для профилактики.

После этого Анатолий с раздражением вздохнул и, пронизывая сына повелительным взглядом, сказал:

– Только сейчас же его унеси. Ты понял? Сейчас же!

Алёша поднялся, натянул штаны, взял на руки котёнка и в сопровождении отца вышел из комнаты.

Дед Фёдор остался в крайнем недоумении невозмутимой жёсткостью Анатолия. И вдруг ему почудилось громкое, пронзительное мяуканье. Дед Фёдор со страхом огляделся. В комнате, кроме него, никого не было. Необычайный ужас проник до глубины костей, словно мяуканье это донеслось из-под земли.

Придя немного в себя, дед Фёдор вспомнил, что когда-то давным-давно у них была кошка по имени Анфиса, вспомнил, как она любила сидеть у него на коленях и певуче мурлыкать, как бы желая передать свою кошачью гармонию хозяину. Фёдор гладил кошку и чувствовал, как какая-то неведомая энергия распространяется по всему его телу.

Но у кошки был один недостаток, который раздражал, заставлял выходить из себя всех членов семьи. Анфиса любила точить когти о кресла, от чего обивка серела, покрывалась мелкими взлохмаченными комочками. Чего только не делали, чтобы отучить её от этого любимого занятия, – ничего не помогало.

Шли годы. Обивка кресла становилась похожа на грязную облезлую бахрому. И все поняли, что так продолжаться не может. После продолжительных колебаний на семейном совете, наконец, решились, что от кошки придётся избавиться.

...И вот настал тот самый день. Утром Фёдор проснулся с противным, разбедающим томлением в груди. Он встал и принялся одеваться. Но руки его никак не слушались, казалось, они действовали под какой-то тягучей тяжестью.

Одевшись кое-как, Фёдор посмотрел на спящую спокойным сном жену, глубоко вздохнул и вышел в коридор, тая надежду, что кошки может не оказаться дома.

А Анфиса, как обычно, сидела на табуретке и дремала. Фёдор несмело подошёл к кошке, трясущимися от волнения руками взял её и ласково проговорил: «Пойдём, Анфисочка, пойдём...»

Вдруг Фёдор почувствовал, как что-то больно сжалось в его груди. В его глазах блеснули слёзы, и он прошептал: «Нет, не могу...»

Он бережно опустил кошку на пол и дрожащим голосом сказал:

– Иди, Анфисочка, бегай.

Фёдор решил ещё немного полежать. Он вернулся к двери спальни, приоткрыл её и вновь увидел спящую супругу. И тут он, сморщившись, представил себе, что если сейчас не свершит задуманное, то потом жена снова будет на него кричать.

Помешкав с минуту, Фёдор болезненно встряхнул головой, опрометью бросился на кухню к шкафчику, в котором стояла почтая бутылка водки, налил в стакан и залпом выпил. Затем он схватил кошку в охапку и, ничего не видя перед собой, побежал из дому прочь.

При этом воспоминании у деда Фёдора из глаз выкатились слёзы.

В комнату вошёл Анатолий. Он нагнулся над лежащим и взволнованно дышащим стариком и жалостливо спросил:

– Ты что, папа, плачешь? Прости, но я не думал, не хотел тебя обидеть. Просто понимаешь, папа, сердце радуется, когда полировка блестит.

10 лет – 10 номеров

Олег Беднов

впервые с нами

Прощай

Живописные работы Олега Беднова лаконичны по форме, но полны затаенного глубокого смысла, который подчеркивают их названия.

Художник родился 19 августа 1975 года в городе Астрахани. Окончил Астраханское культпросветучилище по специальности «Организация и постановка культурно-массовых мероприятий и театрализованных представлений». Живописью начал заниматься в 19 лет.

В 1999 году уехал из Астрахани в Санкт-Петербург, где стал писать вместе с вольнослушателями Академии художеств. С 2002 года работает натурщиком в петербургской Академии художеств.

Картины Олега находятся в частных коллекциях.

Расхождения

Мать и сын

Сумерки

Алексей Дунаев

Крым, Украина

* * *

Если судить –
Себя.
Если любить –
Близких.
Каяться лишь
Скорбя,
Шею согнув
Низко.
Если идти –
Вперёд.
Если бежать –
Быстро.
Кто не упал –
Живёт:
Зла не сразил
Выстрел.
Если зажечь –
Свечу.
Если святить –
Бога.
Если просить –
Чуть-чуть.
Если давать –
Много.

Я этому учусь...

Когда легко –
Парю.
А трудно –
Волочусь.
И коль гореть –
Горю.
Я этому
Учусь.
Правдивым быть
В стихах,
Коль свыше
Вдохновлён.
Не забывать,
Что прах,
Но с Господом
Силён.

Эльвира Баширова

г. Москва

* * *

Зачем ты это сделал? Почему?
Вскружил мне голову зачем-то – не пойму...
Одним движеньем губ, наверно, искренним,
Взлетела я без самолета – немыслимо...
И перепутались все мысли в голове,
И верить не хочу людской молве.
Об этом ли мечтала и зачем?
Симпатий не бывало без проблем.
Пока их нет – и рада, и боюсь,
Что среди ночи вдруг опять сорвусь.
И побегу на край Москвы за взглядом глаз –
Лишь на минуту посмотреть в них ещё раз!
Не поцелуя мне слепая страсть нужна,
А понимания в глазах твоих волна!

Андрей Петин

г. Новомичуринск, Рязанская обл.

* * *

Телефон со вчера
Мою жизнь сокращает молчанием.
Только ночь без тебя,
А уже не хватает дыхания.

Моя кровь, как вода,
Остывает в безмолвном городе,
Словно по проводам
Мы подключены к общей аорте.

Телефон всё молчит.
Моё сердце всё медленней бьётся.
Но оно застучит,
Лишь рука твоя трубки коснётся.

Всё вокруг так живёт,
Дни свои проводя в ожидании.
И себя отдаёт
Лишь за слово,
за взгляд,
за желание.

* * *

Есть у всякого времени свой
Стихотворец, провидец, герой.
И всегда полагают, что больше
Не родится на свете такой.

Но за каждым Гомером вослед
Вновь на Землю приходит поэт,
Только ждать откровений не стоит –
Всё сказали за тысячи лет.

Уж давно, как весною трава,
Жизнь сама по себе – не нова.
Но не важно, о чём он напишет,
Важно – как он расставит слова.

Как из истин привычных сплетёт
То, что в душу и сердце войдёт.
Как к известному всем изначально
Он другую тропой проведёт.

...Большинство из поэтов одной
Лишь запомнится миру строкой,
Но я знаю о каждом – что больше
Не родится на свете такой.

* * *

Любуясь жизни разноцветьем,
Хочу до судорог в руке
Остаться здесь, на этом свете,
Банальной рифмою в строке,

Непритязательным сюжетом,
Красивой фразой ни о чём,
Никем не признанным поэтом,
Что пишет сразу обо всём...

Лишь только б взгляд твой, как и прежде,
Ласкал слова, что были мной
Тебе написаны, в надежде
Быть – пусть на полке – но с тобой.

Ирина Мовчан

г. Москва

* * *

Я хотела бы птицей стать,
Чтоб летать высоко-высоко,
Чтоб не слышать, не видеть, не знать,
Чтобы быть от земли далеко.

Я хотела бы стать звездой,
Чтоб заблудшим в ночи светить.
Мне хотелось бы быть одной
Или, может, совсем не быть.

* * *

Скажите, что мне дальше делать,
Скажите, как мне дальше жить.
Зима, но нет ни крошки снега,
И хочется на солнце выть.

Померкли лунные дорожки,
Исчезла радость синевы.
Сосна стоит на тонкой ножке,
Вокруг неё – одни лишь пни.

Осины, обнажив скелеты,
Дрожат от холода в ночи.
Я вновь одна на дне рассвета,
Застыл холодный глаз свечи.

Луч солнечный ползёт несмело,
Нить паутины сорвалась.
Устало слишком моё тело,
Душа моя надорвалась.

Эдуард Жидков

г. Рязань

* * *

Ты сидишь и молчишь,
Ты о чём-то грустишь,
Словно тысячи, ниш
Под экранами крыш.
Дуют ветры из ниш.
Не печалься, малыш,
Ведь нужны только лишь
Четыре кнопки и мышь.

Этот мир не суров,
Раны здесь не болят.
Здесь, нажав на курок,
Начинаешь с нуля.
Будут ангел и бес,
Полюса и Париж.
Всё, что нужно тебе, –
Четыре кнопки и мышь.

Покраснение глаз.
Неужели от слёз?
Виртуальная страсть –
Ведь она не всерьёз.
Золочёная ложь,
Лакированный шиш.
Что ты ищешь и ждешь?
... Четыре кнопки и мышь.

Чёрный пиар

Возле сетки на окошке
Спрашивал комар у мошки:
– Объясни мне, почему
Люди мстят мне одному?

Ты кусаешь, я кусаю, –
Но тебя не замечают.
– Громко ты жужжал, комар –
Сделал сам себе пиар...

Михаил Кузьмин

г. Москва

* * *

В день 95-летия К.М. Симонова

Всего одно стихотворение.
В огне пылающая Русь.
Всего одно из слов значение.
Мужчина – женщине: вернусь!

Чего бы это мне ни стоило,
Но без сомнения упрюсь.
И как бы все ни прекословило,
Мужчина – женщине: вернусь!

Преодолею всё на свете,
Чужая испарится гнущь.
Звучит рефреном по планете:
Мужчина – женщине: вернусь!

И все, кто те стихи читали,
Судьбе сказали: не страшусь.
Победа есть прочнее стали.
Мужчина – женщине: вернусь!

Поэт поверил в поколения.
Что удержали чудо-Русь.
Не стало вдруг иного мнения,
Я – обязательно вернусь!

Светлана Чикитенко

пос. Усть-Донецк,
Ростовская обл.

Любимому

В шоколадном взоре глаз
Волей власти
Вся вселенная слилась,
Мир раскрасив.

А любовь твоя – кудель
Водопада,
Нежно пахнувший апрель,
Серенада...

Попытаюсь приоткрыть
Суть секрета,
Чем смогла я заслужить
Счастье это.

* * *

Любовь не может забывать,
Любовь не может враждовать,
Не может с гордостью дружить,
Любовь не может не простить.

Любовь не может не беречь,
Не может выгоды извлечь,
Наверняка убеждена:
Любовь горячее быть должна.

Александр Бывшев

пос. Кромы, Орловская обл.

Слепой

Слепому показалось, что он видит,
Как яркий свет одолевает тьму.
«Нет, не надейся – ничего не выйдет!» –
Жестоко кто-то бросил вслед ему.

И день погас. Но вера остаётся.
Глядят с любовью лики-образа...
А по ночам он ясно видел солнце,
Закрыв огнём сожжённые глаза.

Андрей Цыпляев

г. Новомичуринск, Рязанская обл.

* * *

Памяти Насти Косовой

Уходят лучшие «за грань» –
Не остановишь и не спросишь:
«Зачем оставили Вы нас?», –
И их обратно не веротишь.

Молчат ушедшие, и нам
С тобой до них не докричаться...
...Но не дано живущим знать,
Кому в дорогу собираться

Которой, брат, не миновать
Через полвека, завтра иль –
На полустанке не сойдёшь,
Где до конечной пара миль...

Крамольное

В одеяло туч закутан, мрачный Бог сидел.
Сквозь прищуренные веки он на мир глядел.

Уши пемзой из вулканов он давно забил:
Слушать жалобы людишек больше нету сил!

«Боже, я сломала ноготь! Как теперь мне жить?!»
«Ты, противный мелкий дождик, кончишь моросить?!»

Лишь повесила бельишко, прячет Солнце лик.
Ну, куда это годится, глупый ты Старик?!»

«Провалил ЕГЭ повторно – что ж Ты не помог?!
Видно, вовсе не всемогущий Бог!»...

«Нет, ну что это такое?! Церкви посещал,
Свечи ставил и молился, нищим подавал...

Я просил совсем немного – чтобы конкурент
Разорился или спился – сгинул в сей момент!

Даже этого не в силах! Ну, на что Ты гожд?!
Мне смотреть, как процветает, – что под сердце нож!»...

«Моя дряхлая бабулька явно зажила,
А квартиру занимает! Пусть бы “убралась”»...

...Много жалоб и попреков горкой между стоп,
И терзает искушенья сотворить Потоп...

Ольга Ворсина

пос. Приаргунск, Читинская обл.

Гитара

Нежными пальцами трогаю струн напряжённость,
Трепетным звуком они отзовутся, звеня,
И растворяют в своём совершенстве меня,
И возникает летящей души обнажённость.

Миг этот краток, волнуяш и лёгок полёт,
Мысли уходят, и чувство одно остаётся,
И в унисон с волшебством этим пламенным бьётся
Где-то у горла счастливое сердце моё...

10 лет —

Марина Жужкова

«Впервые с нами»

10 номеров

СКАЗКИ

об обыкновенных чудесах

Вместо предисловия...

В городе творилось что-то невероятное: по его окрестностям давно бушевала весна, а он был по-зимнему мёртв. Холодный ветер гнал вдоль тротуаров серую пыль, кое-где у обочин дорог ещё горбатились грязные ноздрястые сугробы, в блеклых лужах отражалось пасмурное небо и голые кроны деревьев. Люди пребывали в смятении. Никто не мог понять – что происходит? Город будто бы накрыли невидимым колпаком, который не пропускал весенний разгул на улицы, проспекты и бульвары.

В один из дней на главной площади города появилась невзрачная старушка. В одной руке она несла горшочек с маленькой голубой фиалкой, а в другой – лопатку. Старая женщина подошла к пустой клумбе, которая была расположена в центре площади, и остановилась. Она внимательно осмотрела клумбу и сокрушённо покачала головой. Потом осторожно добралась до середины клумбы, вырыла неглубокую ямку и пересадила туда голубую фиалку.

Старая женщина вернулась на край клумбы, полюбовалась одиноким цветком и ушла. А голубая фиалка засветилась огоньком на большой пустой клумбе среди серого города. Холодный ветер раза два сильно рванул растение за тоненький стебелёк, но фиалка только приветливо покачала цветочной головкой. Ветер отступил и притих.

И вдруг сквозь плотную пелену хмурого неба пробился тоненький солнечный луч. Он коснулся одинокого цветка, и тот ещё сильнее раскрыл свои голубые лепестки. Озабоченные пешеходы стали останавливаться у

клумбы и любоваться фиалкой. Их лица смягчались, на некоторых даже появлялась улыбка.

На следующий день кто-то посадил на клумбу несколько кустиков весёлых маргариток. Затем появилось жёлтые нарциссы и алые тюльпаны, потом ещё какие-то милые растеньица, и ещё. С каждым днём на клумбе в центре главной площади цветов становилось всё больше и больше.

И в небе над городом начали происходить удивительные изменения. Стало чаще проглядывать солнце. Пелена туч разорвалась, съёжилась, собралась в отдельные тёмные облака. Громыкнула гроза, и прозрачные струи ливня заскакали по мостовым. Дождь смыл остатки снега, серую пыль и мусор с улиц города, напоил газоны голубой влагой, и те зазеленели молодой травой. Деревья гибко расправили ветви. Их набухшие почки проклюнулись липкими листочками. На берегу городской реки в кружевных зарослях запела первая птичка.

И в город пришла весна!

А всё-то началось с одной маленькой голубоглазой фиалки.

Молоко и хлеб

Произошла эта история в стародавние времена, а может быть, наоборот – в далёком будущем. Никто точно не знает, только все уверены, что это так на самом деле и было.

В одном царстве-государстве объявилось страшное чудовище. Сначала оно никакого вреда не делало, а потом стало безобразничать – поля топтать, города разрушать, людей обижать. Пришлось правителю той страны позвать на помощь из соседних государств рыцарей отважных, богатырей-защитников и самых смелых воинов. Съехались они со всех сторон, окружили Чудо-Юдо и предложили ему убраться подобру-поздорову. Только чудовище на их слова начихало и ещё парочку городов порушило.

Ох, и разгневались тогда все рыцари, богатыри и воины. И объявили страшилищу беспощадную войну. Вышли в чистое поле, приготовили своё самое убийственное оружие и стали ждать.

И вот появилось чудовище – огромное-преогромное, страшное-престрашное. Развалилось посреди поля и давай над рыцарями, богатырями и воинами издеваться – насмехаться, что, мол, не победят они его никогда.

Решили защитники испытать сначала свои силы поодиночке. Выехал вперед самый отважный рыцарь. Латы его стальные блестели на солнце так, что глазам было больно, конь под ним стоял красоты неопишуемой. Взял рыцарь копьё наперевес, коня прищпорил и, как вихрь, помчался на чудовище. А оно увидело, что дела серьёзные начинаются, и в одно мгновение преградил путь нападавшему огненной стеной. Только рыцаря это не остановило, перелетел его конь через преграду, как птица, и поскакал дальше. Тогда Чудо-Юдо разлило вокруг себя озеро глубокое. Смело бросился всадник в воду, но конь его смог доплыть только до середины и выбился из сил. Пришлось рыцарю назад возвращаться, а

чудище над ним ещё и подсмеивается, да огнём и дымом в его сторону поплёвывает. Еле-еле рыцарь ноги унёс.

Вторым вышел на бой богатырь-защитник на бронетранспортёре-амфибии с лазерной пушкой. Мощная машина его огненное кольцо перескочила, озеро перемахнуло, начало на чудовище наезжать. Но Чудо-Юдо не испугалось, в один миг себя высоченной каменной стеной обнесло. Однако богатырь-защитник не растерялся, из пушки своей по стене пальнул и дыру в ней огромную пробил. Стал в чудовище целиться, чтоб уложить его лазерным лучом на месте. Но не тут-то было!.. Страшилище в воздух поднялось и оттуда начало бронетранспортёр-амфибию камнями забрасывать и расплавленным металлом поливать. Еле-еле укатил богатырь-защитник с поля боя.

И бросился третьим на чудовище самый смелый воин на реактивном вездельёте. Завязалась жестокая битва в воздухе. Чем они только друг в друга не стреляли, чем только не кидались, но вот Чудо-Юдо обернулось невидимкой, схватило вездельёт за хвост да как шарахнет им о землю. Разлетелась летательная машина вдребезги, хорошо, что смелый воин успел катапультироваться из неё. Еле-еле спасся.

Видят рыцари, богатыри и воины, что не победить им поодиночке чудовище. Бросились они на него всей гурьбой и начали сражаться. День бьются, два бьются, не могут одолеть. На третий день начали их силы иссякать. И решили они отступить, отдохнуть и хорошенько обдумать, как им лучше с чудовищем справиться.

Отошли они от него подальше, лагерь разбили и стали думу думать.

Вдруг смотрят: прямо к тому месту, где чудовище залегло, направляется человек. Не молодой, не старый, не толстый, не тонкий, самый что ни на есть обыкновенный с рюкзаком за плечами. А Чудо-Юдо насто-рожилось, затаилось, приготовилось любую атаку отбить. И на всякий случай в сторону приближающегося человека огнём попыхивает.

А пешеход остановился поблизости от него, рюкзак с плеч сбросил, достал газетку, на земле расстелил и уселся на неё. Потом из рюкзака вынул хлеб, бутылку с молоком и жестяную кружку. Отломил он краюху хлеба, плеснул молочка в кружку и принялся за еду: хлебушек откусывает, молочком запивает, от удовольствия покрывает. А потом и говорит чудовищу:

– Ты, наверное, устало, проголодалось? Иди, я тебе молочка налью, – и достаёт из рюкзака скляночку, наливает туда молока и ставит на землю.

И в то же самое мгновение Чудо-Юдо превратилось в рыжего котёнка, который весело задрал хвостик, и бросилось со всех лапок к скляночке с молоком.

А человек улыбнулся и ласково погладил его по полосатой спинке.

Поели они вдвоем, попили. Человек поднялся, вещички свои собрал, рюкзак на плечи закинул и хотел уходить, а рыжий котёнок за ним готов бежать. Тогда человек бережно взял его и посадил себе за пазуху, а потом не спеша пошёл своей дорогой.

Вот такая история.

Горшочек-оптимист

В холодильнике стоял керамический горшочек с молоком. По натуре он был очень общительным существом и время от времени пускался в разговоры с окружающими его продуктами.

– Вы знаете, какой ценный продукт – молоко? О-о!.. В нём содержится большое количество компонентов: вода, белки, молочный сахар, жир, минеральные вещества, ферменты, витамины. В молоке есть кальций, который так необходим человеческим костям и зубам. И вы себе представить не можете, как нужно молоко растущему организму!.. Ведь первой человеческой едой является молоко! И не только человеческой, но и для всех детёнышей млекопитающих. Когда в природе появилось молоко, эволюция шагнула далеко вперед.

Через некоторое время молоко из горшочка вылили, а в него положили сметану.

– Сметана!.. Это же молочнокислый продукт. Полезный до невозможности!.. Сколько там всяких необходимых для организма человека веществ, с ума сойти! Мне все и не перечислить. Это просто лакомство! Вся пища, сдобренная сметаной, становится отменно вкусной. Я ужасно рад, что храню в своих стенках этот замечательный продукт.

Прошло какое-то время, сметану из горшочка съели, а его наполнили мёдом. И горшочек сразу поведал все окружающим, какой восхитительный это продукт.

– Мёд – пища богов. Пчёлы собирают нектар с разных цветов и перерабатывают его в этот волшебный продукт. Мёд содержит много разных полезных веществ! И витамины в нём есть, и органические кислоты, и минеральные соли. Мёд – чудодейственное средство. В лечебных целях его применяют при расстройстве желудка и при кашле. Им лечат раны, ведь он прекрасно их заживляет.

Вскоре горшочек опустошили и от мёда, а в керамический сосуд положили топленое масло. Горшочек ликовал:

– Вы знаете, как полезно топленое масло?! Это же не какой-то там маргарин. Это натуральный продукт, без всякой химии. Его жиры легко усваиваются человеческим организмом. А как вкусна с топленным маслом гречневая каша!.. А блины!?! Да их с топленным маслом можно дюжину проглотить и не заметить. Это же просто чудо!.. Аромат божественный. Да любая пища, сдобренная топленным маслом, сама так и просится в рот. Я очень доволен, что являюсь вместилищем этого ценного продукта.

Топленое масло закончилось, горшочек вымыли и насыпали туда спелой земляники. Керамический сосуд был на седьмом небе от счастья:

– Ах, какой аромат! У меня даже голова кружится!.. Настоящие лесные ягоды – это вам не садовый ширпотреб. Вы знаете, что плоды земляники содержат достаточно много сахара и органических кислот, а также необходимые организму минеральные соли железа, фосфора и другие полезные вещества?! Ягоды богаты витамином С и другими витаминами.

Земляника была съедена, а горшочек наполняли просто водой.

– Вы знаете, жизнь была бы прожита зря, если бы я ни разу не побыл вместилищем воды. Вода – это всё!.. Ни одно живое существо на земле не может жить без воды. Ещё бы! Ведь в самой воде зародилась жизнь.

Я счастлив, что внутри меня содержится эта восхитительная природная жидкость. И дорожу каждым мгновением, проведенным в её обществе.

Наконец и воду из горшочка вылили, а его самого хорошо вытерли и пустым поставили в шкаф. Находясь среди разнообразной посуды, горшочек не унимался:

– Пустота – это так романтично! В пустоте живет эхо. Вот послушайте, послушайте, как даже самый тихий звук повторяется внутри меня. И потом, пустота наводит на такие размышления!.. На такие мечты!.. Стоишь тут и думаешь: а что в меня могут положить? Да что угодно!.. Невероятные возможности для мыслительного процесса.

А вы могли бы вот так находить только хорошие моменты в любом своём положении?

Царица стола

На середине праздничного стола в изящном ведёрке со льдом располагалась красивая бутылка шампанского. Она возвышалась над всем окружающим стройным станом и длинной шейкой, которая увенчивалась золотистой шапочкой пробки. Вокруг бутылки были расставлены разные кушанья, поблёскивали столовые приборы, искрились хрустальными гранями бокалы и рюмки. В воздухе носились вкусные ароматы. Вокруг стола в ожидании праздника суетились люди.

Бутылка с шампанским сидела в ведёрке, как царица на троне. От радостного возбуждения голова у нее немного кружилась, и мысли из-за этого возникали очень странные. Бутылка думала: «Я – царица стола. Все замысловатые кушанья, стоящие на столе, сделаны для меня. Для вина, хранящегося внутри меня, чтобы лучше подчеркнуть его вкус. И всё это расставленное вокруг – тоже для меня!.. Серебро и хрусталь, белоснежная скатерть и накрахмаленные салфетки, цветы и фрукты в вазах – всё для меня и ради меня!.. Ради моего торжества на этом празднике. И даже сам праздник создан для меня!.. Люди жаждут вкусить моего вина. Прекрасного, волшебного напитка, который поблёскивает под моей стеклянной оболочкой... Его разольют в звенящие бокалы... Да, да, в бокалы, которые тоже созданы для меня!.. Эти дорогие и изящные сосуды... Люди благоговейно пригубят моё золотистое вино и почувствуют, как оно великолепно! И воздадут хвалу мне!..»

Но вот люди сели за стол, часы пробили двенадцать раз, царицу стола лишили короны, шампанское потекло в бокалы, а опустошённую бутылку поставили под стол.

Мы иногда думаем, что весь мир создан для нас, а получается всё наоборот...

Мечта удочки

Удочка мечтала поймать большую рыбу. И не просто большую, а очень большую. И не просто рыбу, а какую-нибудь экзотическую, редкую. Удочке хотелось, чтобы все восхились ею за такой улов. И наконец бы оценили её, так как она считала, что достойна этого. Действительно, удочка была хорошая – с длинным гибким удилищем, с прочной крепкой леской, с красивым поплавком и блестящим крючком. А ещё у неё была удобная рукоятка с прикреплённой к ней изящной катушкой с трещоткой. Поэтому удочка думала, что имеет право рассчитывать на лучшую судьбу.

– Ах, – сетовала она в кругу других удочек, – ну где же мне поймать большую рыбу, если берут меня только на озеро, которое чуть больше пруда, да на речку, которая чуть шире ручья. Вот, если бы меня взяли на море, уж я бы показала, на что способна.

В скором времени удочка действительно попала на море, и не просто на море, а даже на берег океана. Ох, удочка была счастлива! Теперь она жаждала поскорей отправиться на настоящую рыбалку, удить рыбу не с берега, а с кормы быстроходной яхты.

И вот однажды мечта удочки полностью осуществилась – её взяли на рыбалку в открытый океан. День был ослепительно солнечный, зелёные волны с гребешками пены бились в борта белой яхты, лёгкий ветерок играл парусами.

Рукоятку удочки закрепили в гнездо на корме, на крючок нацепили наживку и забросили леску в воду. «Ух, сейчас я поймаю самую большую рыбу! Люди просто ахнут, увидев мой улов», – с замиранием сердца подумала удочка. – «Сейчас... Сейчас...» И тут за её крючок кто-то сильно дёрнул, поплавок ушел под воду, леска натянулась и зазвенела, как струна, а удилище выгнулось крутой дугой. Люди заволновались, засуетились вокруг удочки, а та просто не могла перевести дух от гордости. «Наконец-то!.. Наконец-то!..» – ликовала удочка. – «Тащите улов! Скорей тащите!». Но не тут-то было!.. Рыба попалась на крючок очень большая, она уходила на глубину и тянула леску к себе. «Сорвется...» – в панике подумала удочка и напрягла все свои силы. Её удилище опасно затрещало. Один из рыбаков схватил леску и хотел было намотать её на железный штырь в корме яхты, а затем перерезать острым ножом, чтобы освободить удочку. «Ни за что! – завопила та. – Я сама!» – и замотала удилищем из стороны в сторону. А точнее, это сделала не она, а пойманная рыба. «Еще чуть-чуть, и мы её вытащим», – не унималась удочка, изгибаясь в руках человека всё сильнее и сильнее... И тут её удилище треснуло пополам!.. Рыбак успел всё-таки перехватить ослабевшую леску и накинуть крепкой петлёй на железный штырь, а поломанную удочку отшвырнул сторону...

Многие из нас думают, что созданы для самых больших «рыб», но чаще всего это совсем не так...

Птичка в клетке

Птичка жила в клетке и мечтала о воле. Она ей снилась по ночам, манила счастливой свободой. Хотя, если честно признаться, птичка никогда не знала что это такое. Все её родные до седьмого колена рождались в неволе и всю свою жизнь проводили в клетках. Но птичка всё равно мечтала о воле. Она посвящала ей все свои песни, и мечтала, мечтала вырваться на свободу и улететь на далекую и прекрасную родину.

Однажды, как-то совершенно случайно, дверца клетки оказалась открытой.

Птичка заметила это, и сердечко её радостно затрепыхалось в груди: «Воля, воля!». Птичка даже на секунду закрыла глаза от переполнивших ее чувств. «Ещё мгновение – и я буду самым счастливым существом на свете!» – и она вспорхнула поближе к открытой дверце. Птичка чуть-чуть задержалась, чтобы в последний раз окинуть взглядом свою опостылевшую клетку. Неожиданно ей стало грустно – клетка показалась родной и уютной: хрустальная водичка в поилке, в кормушке сытная еда, живописные веточки, по которым птичка скачет целый день. Сердце сжалось от непонятной тоски, и в головке мелькнула тревожная мысль: «Зачем же мне улетать?»

Птичка была умная, она прекрасно знала, что на воле её ждут большие трудности. Там живут разные хищные существа, такие, как кошки, и даже еще хуже. Там могут быть рогатки, камни, силки и ружья. «Однако, если мне удастся избежать всего этого, где я буду искать пищу по пути к родным местам?.. Я привыкла к отборным зёрнышкам, к жирным мучным червячкам, к витаминам в комбинированных кормах. А в лужах вода не такая чистая, как у меня в поилке. Там могут быть микробы, а значит, – и болезнь. К тому же... на воле всё надо будет добывать своим трудом, избегая при этом всех перечисленных выше опасностей! А погодные условия: ветер, дождь и, может быть, снег?! Где я буду прятаться от них?.. Какой ужас!» – птичка зябко поёжилась.

«Ну хорошо, посчастливится мне долететь до родных мест, а что я буду там делать? Я никого не знаю, и меня никто не знает. А птица я уже взрослая, сложившаяся. Обзаводиться новыми друзьями будет нелегко. Потом надо искать себе пару... Одна же не сможешь жить – в природе это считается неполноценным. Все будут коситься, осуждать... Да и найдёшь ли кого?.. В моем возрасте... Хороших партнёров уж точно всех расхватили молодые да шустрые. А потом... даже если найдёшь, Боже мой! Надо же гнездо строить, семью заводить, детей! А с ними сколько хлопот – и высиживай, и выкармливай, и защищай, и учи летать. И так будет каждый год!.. До самой смерти. А петь когда?!..»

Птичка от отчаяния чуть не потеряла сознание. Еле добралась до поилки и хлебнула хрустальной водички. «Зачем мне такая жизнь?!.. Совершенно враждебный мир! Тут меня все любят, восхищаются мной, берегут меня. А там я никому не нужна?!.. Ох, Нет-нет! Ни за что!.. Поскорей захлопнули бы дверцу!»

И птичка забила в самый дальний уголок своей клетки, подальше от страшной открытой дверцы.

Компьютер и кисть

В комнате у окна на столе стоял компьютер. А рядом, чуть в стороне, был установлен мольберт. На нём находилась написанная маслом картина. На табурете лежали тюбики с краской, палитра, кисти. Всё это издавало своеобразный аромат.

– Фу, какая вонь... – вздохнул компьютер. – И хотя бы была для этого всего существенная причина.

– Почему нет? – удивилась одна из кистей. – Мы писали натюрморт.

– Пишут, между прочим, буквы и знаки. А вы пачкали красками натянутую ткань.

– Во-первых, не ткань, а холст, – возмутилась кисть. – Во-вторых, не пачкали, творили.

– Ха!.. – усмехнулся компьютер, – творили!.. Что вы понимаете в творчестве?.. Намалевали не пойми что и рады.

– Почему – «не пойми что»? – опять отозвалась та же кисть. – Это – натюрморт.

– Ой, мамочка – моя материнская плата! – воскликнул компьютер. – Это натюрморт!? Это – что угодно, но не натюрморт. То ли пейзаж с закатом, то ли яичница-глазунья с помидорами.

– Это ромашки и маки в вазе, – строго уточнила кисть.

– Ага!.. Понятно. Абстракция. А это, вот, синяя кривая груша, – я так понимаю, ваза? А что это за темное пятно слева от неё? Грязь на скатерти?

– Это не грязь, это тень от вазы, – терпеливо объяснила кисть.

– Тень?! – в свою очередь возмутился компьютер. – Это тень?! Да вы хоть приблизительно изучали законы оптики? Дифракции света? Перспективы?..

– Как творец видит мир, так он его и воссоздаёт, – отрезала кисть.

– Окружающий мир существует независимо от того, как видит его ваш творец, по своим сложным и строгим законам. Стыдно не знать эти законы и пытаться оспаривать их дилетантской мазнёй. Вот, учитесь, пока я работаю, – усмехнулся компьютер и начал что-то вычислять на своём мониторе. Потом он долго мигал цветными лампочками на системном блоке, шуршал, пикал. Чертил линии, подбирал цвета, что-то убирал, что-то добавлял. И наконец, включив принтер, отпечатал получившийся рисунок. Это был сконструированный по всем правилам и законам натюрморт с синей вазой и букетом ромашек и маков. Удовлетворённый своей работой, компьютер отключился.

А на следующее утро в комнату вошёл человек. Он увидел лежащий в принтере листок с натюрмортом, взял его в руки и даже присвистнул от удивления. Потом взглянул на мольберт с подрамником, долго рассматривал то рисунок компьютера, то картину, затем улыбнулся, скомкал рисунок и бросил его в мусорную корзину. А картину снял с мольберта и повесил на стену.

Законы – это, конечно, хорошо, но для творчества нужна ещё и искра Божия.

Луч Ромальгауша

ЖУРНАЛ КУЛЬТУРНО-ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ИНВАЛИДОВ

№ 10 2012

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

Ирина Позднякова
Слово редактора..... 1

ТОЧКА ЗРЕНИЯ
Марина Жужкова
Что это, если не дискриминация?..... 3
Давайте говорить друг другу комплименты 5

ПОЧТА ЖУРНАЛА 7

СВЕТ ПОГАСШИХ ЗВЕЗД
Татьяна Подгорная
Душа высокого полёта..... 10

ГЛАЗАМИ СПЕЦИАЛИСТА
Иннеса Пермякова
Увидеть в ребёнке личность..... 14

МИГ ПОЭЗИИ
Вилии Мельников 24
Олег Гальченко 36
Николай Ершов 43

УРОКИ ЖИЗНИ
Ирина Позднякова
На границе Мещёры и Космоса..... 29

ПРОЗА
Валентина Рузавина
Нежданный гость..... 39
Надпись 40
Пернатый разведчик 41

Тамара Мурунова
Где-то в одной из квартир..... 46
Татьяна Князева
Если бы было море 55
Игорь Василенков
Идеальная чистота 68

НАШ ВЕРНИСАЖ
Олег Беднов..... 72

МОЗАИКА..... 74

ДЕТЯМ
Марина Жужкова
Сказки об обыкновенных чудесах 79

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099, г. Москва, Шубинский пер., 6
Тираж 1000 экз.

**Вернисаж
Олега Беднова
с. 72–73**

Фомальгаут – звезда в созвездии Южной Рыбы. В наших широтах она видна низко над горизонтом и кажется тусклым мерцающим огоньком. А ведь на самом деле это одна из двадцати ярчайших звезд неба! Увидеть её во всём блеске нам мешают чисто внешние причины: пыль и копоть вблизи горизонта. Но если мы пойдём на юг, навстречу этой звезде, она поднимется вверх, и в южных широтах ничто не скроет от нас её истинного блеска.

Для того, чтобы изменить мнение об инвалидах, да и просто – о любом человеке, не нужно совершать далёкого путешествия вдоль земного меридиана. Мы сами готовы пойти навстречу – и делаем это. «Луч Фомальгаута» призван осветить нам дорогу.